

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. П. Г. ДЕМИДОВА

Д. Л. Карпов

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА
ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ
ДЕЛАМ**

Учебное пособие

Ярославль
2018

УДК 81-13
ББК 81.2-923
К26

Рецензенты:

Новичихина М. Е., д.ф.н.,
профессор кафедры связей с общественностью
Воронежского государственного университета,
зам. председателя Воронежской ассоциации экспертов-лингвистов;
кафедра общего языкознания и стилистики
Воронежского государственного университета.

Проект реализуется на средства «Проект-победитель» Грантового конкурса
Стипендиальной программы Владимира Потанина 2016/2017

Карпов, Д. Л.

К26 Лингвистическая экспертиза текста по антикоррупционным делам : учебное пособие / Д. Л. Карпов. — Ярославль : ООО «Академия 76», 2018. — 80 с.

ISBN 978-5-906040-56-5

Учебное пособие «Лингвистическая экспертиза текста по антикоррупционным делам» содержит теоретический и аналитический материал по экспертизе коррупционных текстов, который может быть использован как для самостоятельного изучения, так и для обеспечения дисциплин бакалавриата и магистратуры, а также на курсах ДПО, посвящённых лингвокриминалистическому анализу текста. Пособие включает общетеоретические разделы (анализ антикоррупционного законодательства, определение взятки) и методологическую часть (анализ слов-сигналов в коррупционном диалоге, речевых стратегий взяточдателя и взякополучателя), которые могут быть использованы при составлении заключения эксперта-лингвиста. Пособие является теоретической основой методического пособия «Лингвистическая экспертиза текста по антикоррупционным делам».

Предназначено для студентов и магистрантов филологических факультетов, а также специалистов-лингвокриминалистов.

© Д. Л. Карпов, 2018
© ООО «Академия 76», 2018

Содержание

Пояснительная записка	4
ГЛАВА 1. Антикоррупционное законодательство РФ	6
ГЛАВА 2. Определение взятки	12
ГЛАВА 3. Методы и приёмы анализа текста в антикоррупционной экспертизе	19
ГЛАВА 4. Слова с потенциальным коррупционным значением	25
ГЛАВА 5. Коммуникативные акты, связанные с коррупционными намерениями	36
ГЛАВА 6. Вопросы, поставленные перед экспертом	54
ГЛАВА 7. Подготовка заключения.....	57
ГЛАВА 8. Анализ художественного текста в практике эксперта	60
Библиография	68
Приложение.....	75

Пояснительная записка

Учебное пособие «Лингвистическая экспертиза текста по антикоррупционным делам» является частью учебно-методического комплекса, созданного для работы со студентами филологических факультетов, изучающими лингвокриминалистический метод анализа текстов. Одноимённое учебно-методическое пособие включало задания для развития практических навыков работы, в данном учебном пособии автор постарался обобщить существующий на сегодняшний день опыт работы лингвиста со спорными текстами, относящимися к делам о коррупции.

В учебном пособии предпринята попытка собрать исследовательский материал по изучаемой теме, предложить обзор современного законодательства в той мере, в которой это может быть интересно и полезно филологу, попытаться описать сложное понятие взятки в современном представлении, а также рассмотреть основные элементы диалога о взятке — на лексическом и прагматическом уровне.

Центральной проблемой, которая решается в пособии, представляется алгоритмизация анализа текста по антикоррупционным делам. Описание методов, применяемых в подобных делах, уже было сделано коллективом авторов монографии «Судебная лингвистика» (Барнаул, 2015): методика анализа коррупционного текста опирается на традиционные лингвистические методы семантического анализа, дискурсивного анализа, анализа слова в контексте, методы лингвистики текста, тематического анализа и пр. В продолжение этих изысканий в предлагаемом пособии на основе опыта экспертной и научной работы предпринята попытка алгоритмизации деятельности филолога.

В пособии описаны также центральные понятия экспертизы текстов по антикоррупционным делам: «взятка» и смежные понятия, высказывания коррупционного риска, выявлены типичные языковые формы выражения коррупционного предложения.

Изучение дисциплины «Лингвистическая экспертиза текста по антикоррупционным делам» расширит профессиональный диапазон выпускника и подготовит его к практической деятельности, в частности, даст представление о необходимых профессиональных качествах для работы с антикоррупционными делами и поможет их сформировать.

Кроме того, в пособии обсуждаются идеи возможности применения материала художественного произведения в обучении эксперта, а также общие принципы экспертного анализа литературного текста. Эта область

на данный момент является малоизученной, автор лишь предлагает её к обсуждению, не претендуя на полноту раскрытия проблемы. В приложение вынесен анализ драмы А. В. Сухова-Кобылина «Дело», которая, как можно предположить, исследует тот же жизненный материал, что лингвист-эксперт, вероятно, некоторые открытия художника будут интересны исследователям.

Автор выражает благодарность всем коллегам, которые принимали участие в создании материалов для учебного пособия и помогали в обсуждении материалов: профессору ВГУ Иосифу Абрамовичу Стернину за рецензирование и обсуждение; магистру, первой выпускнице профильной направленности «Филологическое обеспечение экспертной деятельности» Дарье Евгеньевне Пожиловой, заинтересовавшейся темой и ставшей соавтором ряда статей, а также автором посвящённой антикоррупционной экспертизе магистерской диссертации, часть материалов которой была использована при работе над пособием; доценту кафедры общей и прикладной филологии Анне Александровне Талицкой за внимательное чтение и правки, коллегам за доброжелательность и поддержку.

И отдельная благодарность Фонду В. Потанина и всем его сотрудникам за предоставленную возможность работать над проектом и помощь.

ГЛАВА 1

Антикоррупционное законодательство РФ

В Уголовном кодексе Российской Федерации преступления, связанные с дачей/получением взятки, относятся к служебным преступлениям, которые описаны в главах 23 и 30. К служебным преступлениям относятся: злоупотребление полномочиями («Использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам»¹), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами, превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, коммерческий подкуп («Незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию)»²), посредничество в коммерческом подкупе («Посредничество в коммерческом подкупе, то есть непосредственная передача предмета коммерческого подкупа (незаконного вознаграждения) по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа, или лица, получающего предмет коммерческого подкупа, либо иное содействие этим лицам в достижении или реализации соглашения между ними о передаче и получении предмета коммерческого подкупа»³), мелкий коммерческий подкуп, злоупотребление должностными полномочиями, нецелевое расходование бюджетных

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.04.2017) Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.04.2017).

² Там же.

³ Там же.

средств, а также средств государственных внебюджетных фондов, внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений, превышение должностных полномочий, неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа, отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации, присвоение полномочий должностного лица, незаконное участие в предпринимательской деятельности, служебный подлог, незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации, халатность.

В этом ряду также находятся: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, эти преступления описаны в статьях 290, 291, 291.1, 291.2 Уголовного кодекса РФ.

Под подобными преступлениями в УК РФ подразумевается: «Получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе»⁴. А также дача взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу): непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

Как можно судить из текста Уголовного кодекса РФ, в законе не дается определение взятки, но указывается, что это получение/дача «денег, ценных бумаг, иного имущества либо незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц»⁵.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Важность этого указания имеет чисто прагматический характер в работе эксперта, т. к. позволяет сформулировать вопросы, на которые должен быть получен ответ.

В то же время сами юристы подтверждают, что отсутствие точного определения взятки иногда осложняет следственные действия: возникает необходимость дополнительного определения понятия (к этой проблеме мы обратимся позже).

Кроме того, в современной международной антикоррупционной практике приняты документы, которые регламентируют отношение государств к преступлениям подобного рода.

Прежде всего речь идёт о «Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию», которая была принята в Страсбурге 27.01.1999 г. Описывая широкий круг действий, которые подпадают под юрисдикцию Конвенции, авторы всё же не дают определения главного понятия, но Конвенция служит основой для национальных документов о противодействии коррупции.

В настоящее время в России принят ряд законов и иных документов, которые регулируют антикоррупционную политику в стране.

Прежде всего к этим документам относится Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который предлагает определение коррупции и описывает ряд явлений, обозначаемых этим термином: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»⁶.

В основной части закон регламентирует работу по профилактике и борьбе с коррупцией среди должностных лиц, в государственных и коммерческих структурах и пр.

Представляет интерес постановление «Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»», в котором поясняются некоторые положения закона, в частности указано: «судам следует иметь в виду, что использование

⁶ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 20.04.2017).

личных отношений, если они не связаны с занимаемой должностью, не может рассматриваться как использование должностного положения»⁷.

«К общему покровительству по службе могут быть отнесены, в частности, действия, связанные с незаслуженнымощрением, внеочередным необоснованным повышением в должности»⁸.

«К попустительству по службе следует относить, например, непринятие должностным лицом мер за упущения или нарушения в служебной деятельности взяточдателя или представляемых им лиц, нереагирование на его неправомерные действия»⁹.

«Если имущественные выгоды в виде денег, иных ценностей, оказания материальных услуг предоставлены родным и близким должностного лица с его согласия либо если он не возражал против этого и использовал свои служебные полномочия в пользу взяточдателя, действия должностного лица следует квалифицировать как получение взятки»¹⁰.

В документе также поясняется, что следует понимать под коммерческим подкупом, какие лица подпадают под действия законов о взяточничестве, что такое покушение на дачу/получение взятки, мошенничество и пр.

Эксперт, занимающийся антикоррупционными делами, по нашему мнению, должен иметь представление о предмете, которым он занимается, это поможет лучше понять содержание спорных текстов, увидеть те аспекты, на которые следует обратить внимание прежде всего.

Кроме приведённых выше документов, в РФ ежегодно выходят указы Президента РФ о национальной стратегии противодействия коррупции, в 2015 году вышел указ президента о мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции. Если в последнем предложены лишь типовые требования к документам, касающимся противодействия коррупции, то в национальной стратегии предписаны необходимые меры, которые должны принять государственные органы для достижения поставленных в документе целей.

Необходимо отметить, что если указы за предыдущие годы были направлены на работу органов юстиции, внутренних дел, прокуратуры и судов, и лишь в стратегии 2014-2015 годов указывается на необходимость создания типовых дополнительных профессиональных программ по вопросам

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12018624/> (дата обращения: 20.04.2017).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

противодействия коррупции, то в стратегии на 2016–2017 годы больше внимания уделяется гуманитарной составляющей антикоррупционной политики страны. В частности, указывается на усиление нравственного воспитания, создание «методических рекомендаций по рассмотрению типовых ситуаций предотвращения и урегулирования конфликта интересов в отношении лиц, замещающих должности, по которым установлена обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов»¹¹, просветительской деятельности в области антикоррупционной политики и профилактики коррупционных преступлений, проведение конференций, посвящённых антикоррупционной тематике, повышение квалификации сотрудников госкорпораций, внедрение результатов антикоррупционной деятельности в учебный процесс, организацию регулярных публичных лекций по антикоррупционной тематике, конкурсов социальной антикоррупционной рекламы и пр.

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что сотрудники законодательной сферы осознают важность гуманитарного знания в работе по противодействию коррупции, а значит, филологам также необходимо занять свою нишу в организации этой деятельности, популяризируя гуманитарное знание и обращая внимание на важность прикладного аспекта в его использовании.

Кроме того, в 2013 году Министерство труда составило список рекомендаций по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки, в которых, в частности, содержатся разъяснения о поведении должностных лиц на службе, разъяснены основные термины, описывающие коррупционные ситуации, и на их основе был сделан обзор типовых моделей поведения должностных лиц, которые могут восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки.

В документе представлен список основных выражений, которых стоит избегать при общении с клиентами, «опасных» тем, а также предложений и действий, которые могут быть истолкованы как требование взятки.

Обзор законодательных документов, в конечном итоге, ставит перед экспертом-филологом больше вопросов, нежели даёт ответы, которые помогли бы решить насущные задачи экспертной деятельности.

¹¹ Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы”. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71264578/#ixzz4exb8q2M9> (дата обращения: 20.04.2017).

Несмотря на существование точки зрения, что филологу нет необходимости разбираться в юридической, законодательной литературе и формулировать основные понятия для проведения экспертизы, в работе мы всё же обратимся и к этому важному аспекту, т. к., по нашему мнению, филолог должен знать предмет анализа, это может помочь в собственно филологическом анализе спорных текстов, поможет выявить новые аспекты понимания и интерпретации текста.

ГЛАВА 2

Определение взятки

Обратимся к общезыковому значению понятия «взятка».

«**Взятка**, -и; *мн. род.* -ток, *дат.* -ткам; *ж. 1.* Деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего. *Давать, брать взятки. Взятку не берёт кто-л.* (неподкупен). *Осуждён за взятку* (за взяточничество). **2.** В карточной игре: карты, покрытые старшей картой или козырем партнёра. *Играть без взяток.* ♦ **Взятки гладки с кого.** О том, кто не несёт никакой ответственности за кого-, что-л., с кого ничего нельзя взять, потребовать»¹².

«**Взятка**, -и, *ж. 1.* Деньги или вещи, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата преступных, караемых законом действий. **2.** В карточной игре: карты какого-нибудь игрока, покрытые старшей картой или козырем противника. *Упустить взятку*»¹³.

«**Взятка** – и, *род. мн.* –ток, *дат.* –ткам, *ж. 1.* Деньги или вещи, даваемые должностному лицу как подкуп за совершение каких-либо действий по должности в интересах дающего. [*Аммос Федорович*] *Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.* Гоголь. *Ревизор. Взятку Захарка давал умело, заботясь о будущем,— отводил заседателя в пустую комнату, а за перегородкой ставил свидетелей.* Серафимович, *Город в степи.* **2.** В карточной игре: карты, взятые старшей картой или козырем. *У него было на руках двенадцать взяток: трефы и черви от туза до десятки и бубновый туз с королем.* Л. Андреев, *Большой шлем.* ♦ **Взятки гладки с кого см. гладкий**»¹⁴.

«**Взятка**, и (*род. мн.* ток), *ж.* Деньги или ценные вещи, даваемые должностному лицу в качестве оплаты незаконных услуг, платы за полученные привилегии и т. п. *Дать взятку. Предложить взятку. Вымогательство взяток. Взятка в тысячу долларов. Все держится на взятках*»¹⁵.

¹² Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Публикуется в авторской редакции 2014 года. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 22.04.2018).

¹³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. 27-е изд., испр. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование» ; ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство «Оникс», 2012. 736 с.

¹⁴ Словарь финансовых и юридических терминов. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=jt;div=LAW>

¹⁵ Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.

Исходя из словарных определений понятия «взятка», можно отметить, что в них отсутствует указание на действие, взятка определяется исключительно как материальная ценность: какая-либо вещь или деньги, являющиеся оплатой должностных действий в интересах дающего. Обратим внимание на то, что не во всех словарях выделяется семантический компонент «незаконности», что, безусловно, подчёркивается в законодательстве.

Стоит также обратить внимание на то, что субъектом получения взятки является должностное лицо, обладающее определёнными полномочиями и возможностью воздействовать на других людей в различных сферах (общественной, деловой, государственной и др.) с целью получения какой-либо выгоды для себя или третьего лица. Этот компонент указан во всех словарях, т. е. является значимым для определения понятия взятки.

Сопоставив все определения, данные выше, можно вывести общее значение слова «взятка»:

Взятка — деньги, ценные бумаги, имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата преступных действий, которые осознаются дающим и получающим как незаконные, вследствие чего тщательно скрываются.

Кроме слова «взятка», существует множество различных обозначений коррупционного поступка. Безусловно, лексикон преступников постоянно обновляется, чтобы выполнять функцию сокрытия смысла сказанного при общении с целью остаться непонятым непосвящённым свидетелям преступления. Однако можно обозначить круг понятий, которые могут встречаться и встречаются в практике эксперта, такие слова часто будут индикаторами противоправных действий. Конечно, во всех случаях употребления этих слов ключевую роль будет играть контекст, разные контексты будут актуализировать различные значения. Такие контексты также могут быть унифицированы, можно сказать, что эксперт работает на пересечении нескольких смысловых полей:

- прежде всего, это речевое поле, значения слов в котором близки языковым значениям, незначительно зависят от контекста и полностью или почти полностью совпадают со словарными значениями;
- второе – юридическое, попадая в этот контекст, слово приобретает терминологический характер, его значение значительно сужается, стремясь к однозначности, при этом многие языковые значения слова элиминируются;
- и, наконец, поле следственной практики, прежде всего включающее употребление слов в переносном значении, жаргоны, различные способы сокрытия прямого смысла слов и выражений.

Слово в первом значении имеет цель доставить информацию по коммуникативной цепи, чаще всего эта информация доступна и понятна не только адресанту и адресату, но и другим, возможно, случайным участникам коммуникации.

Слова во втором значении зачастую являются средством общения ограниченного круга лиц – профессионалов – и редко употребляются большинством носителей языка, а чаще и вообще не употребляются, это зависит лишь от уровня речевой культуры говорящего. Сюда относится не только научная терминология, но и профессиональный жаргон.

Слова в третьем значении прежде всего являются индикаторами общения лиц, имеющих особый статус, могут указывать на особые действия, которые потенциально являются правонарушением, указывают на особые темы, смыслы и пр. Употребление таких слов главным образом направлено на то, чтобы передаваемая информация дошла только до определённого адресата и не была получена случайным участником.

Кажутся интересными случаи употребления определённых слов в коррупционном контексте: чаще всего участники коррупционной сделки очень осторожны в своих высказываниях, особенно это актуально сейчас, когда следственные органы используют новейшие средства слежения за подозреваемыми, причём нередко последним хорошо известна возможность скрытого слежения. В таких случаях при лингвокриминалистической экспертизе важно обращать внимание на слова, которые имеют потенциальное коррупционное значение. Это слова-сигналы, они могут помочь в работе эксперта с антикоррупционными делами, поэтому важно описать их значение и ситуации, в которых они употребляются.

В настоящей работе рассмотрим лишь некоторые из них, которые, по нашему мнению, имеют несколько значений в зависимости от контекста употребления, речевой компетенции участников диалога. Сравнительный анализ их значений поможет эксперту лучше ориентироваться в антикоррупционных делах, с одной стороны, при изучении стенограмм, а с другой – поможет эксперту эффективнее работать медиатором между юристами, следователями, судом и участниками следственных мероприятий и правонарушений.

Слова–сигналы, имеющие потенциальное коррупционное значение

Лексическая единица	Общеязыковое значение	Юридическое значение	Потенциальное коррупционное значение
Взятка	<p>1. Деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего.</p> <p>2. В карточной игре: карты, покрытые старшей картой или козырем партнёра (Кузнецов 2014).</p>	<p>Предметом взяточничества и коммерческого подкупа, наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 г. Москва «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»).</p>	<p>«Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста — ну, тогда совсем дело другое: займы я могу взять» (Гоголь).</p> <p>С. — Ну все уж, приехали, припарковались, ребята, давайте разойдемся. Реально разойдемся, денежкой и все.</p> <p>З. — Денежкой, как денежкой?</p> <p>С. — Нормальной денежкой.</p> <p>З. — Это уголовно наказуемое деяние, дача взятки должностному лицу при исполнении.</p> <p>С. — Я не даю взятку.</p>
Благодарность	<p>1. Чувство признательности за сделанное добро, оказанное внимание, услугу.</p> <p>2. Официальная положительная оценка труда, деятельности кого-либо как форма поощрения.</p> <p>3. разг. Вознаграждение, плата (Кузнецов 2014).</p>	<p>Благодарность Министра транспорта Российской Федерации (далее — Благодарность) является формой поощрения работников организаций автомобильного, внутреннего водного, воздушного, городского электрического (включая метрополитен), железнодорожного, морского (включая морские торговые порты) и промышленного транспорта и дорожного хозяйства, сотрудников Министерства, центрального аппарата федеральной службы и федеральных агентств, находящихся в ведении Министерства, их территориальных органов, иных лиц и объявляется: за высокие производственные достижения и плодотворный труд (Положение о Благодарности Министра транспорта Российской Федерации).</p>	<p>В Миассе местные власти готовят антикоррупционные памятки для жителей. Как сообщили «Новому Региону» в пресс-службе собрания депутатов Миасса, на очередном заседании местного парламента начальник правового управления администрации Олег Буданов представил членом комиссии по противодействию коррупции разработанную «антикоррупционную» памятку для граждан. В частности, она содержит разъяснения, что считается взяткой на языке Уголовного кодекса, какую ответственность несут дающие и принимающие незаконные вознаграждения.</p>

			Кроме того, жителям объяснят, как определить, что чиновник намекает посетителю, что он не прочь принять «благодарность», и что нужно делать в подобных ситуациях (Корпус русского языка).
Подарок	<p>1. То, что дарят, что подарено.</p> <p>2. О том, что доставляет удовольствие, нравится (Кузнецов 2014).</p>	<p>По договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом (ТК РФ).</p> <p>Получение подарка в связи с должностным положением - получение подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением служебных (должностных) обязанностей - получение лицом, замещающим государственную (муниципальную) должность, служащим, работником лично или через посредника от физических (юридических) лиц подарка в рамках осуществления деятельности, предусмотренной должностным регламентом (должностной инструкцией), а также в связи с исполнением служебных (должностных) обязанностей в случаях, установленных федеральными законами и иными нормативными актами, определяющими особенности правового положения и специфику профессиональной служебной и трудовой деятельности указанных лиц... (Словарь финансовых и юридических терминов).</p>	Заместитель директора Сочинского филиала РУДН Андрей Богучарский за «подарок» от абитуриента в 10 тысяч рублей (Корпус русского языка).

Премия	<p>1. Награда (денежная, в виде ценной вещи и т. п.) за успехи, заслуги в какой-либо области деятельности. // Дополнительное денежное вознаграждение, выдаваемое сверх заработной платы за перевыполнение плана, за снижение себестоимости продукции и т. п. // экон. Денежная сумма, выдаваемая некоторыми правительствами капиталистических стран экспортёрам в поощрение вывоза определённых товаров.</p> <p>2. <i>финанс.</i> Разница между биржевой и номинальной стоимостью ценной бумаги.</p> <p>3. <i>финанс.</i> Денежная сумма, уплачиваемая страхователем страховому учреждению за риск, который оно несёт (Кузнецов 2014).</p>	<p>Премия (от лат. praemium — награда) — 1) денежное или материальное поощрение за достижение, заслуги в какой-либо отрасли деятельности; 2) величина превышения одной цены над другой на один и тот же товар, в частности реальной цены над номинальной; 3) сумма, уплачиваемая покупателем опциона его продавцу за приобретаемое право продать или купить ценные бумаги, товары по заранее установленной цене в течение некоторого периода времени; 4) денежная сумма, уплачиваемая страхователем страховщику (страховая премия) (Словарь финансовых и юридических терминов).</p> <p>Премия в силу ч. 1 ст. 129 ТК РФ является частью заработной платы. При этом премирование - это один из видов поощрения работников, которые добросовестно исполняют трудовые обязанности. Это следует из ч. 1 ст. 191 ТК РФ (Путеводитель по кадровым вопросам).</p>	<p>А. — ... я тебя как руководитель премирую, как бывший твой руководитель, ну так покумекай.</p> <p>А. — Я тебе чё, блин, ... взятку предлагаю что ли? Это премия...</p> <p>С. — Давайте, может, премии там, да, давайте премии.</p> <p>Ш. — Вот, если я вас не оформлю, меня премии лишат, это точно я вам говорю.</p>
Гостинец	разг. Подарок, обычно привезённый, присланный откуда-либо (Кузнецов 2014).	В современных юридических документах не встречается.	На данный момент примеров употребления не выявлено.

Подкуп	<p>к Подкупить.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками и т. п. 2. Расположить в свою пользу, вызвать чьи-либо симпатии. 3. разг. Купить дополнительно, ещё немного; прикупить (Кузнецов 2014). 	<p>Коммерческий подкуп – незаконные передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением (УК РФ).</p>	<p>На подкуп должностных лиц в России тратят от 40 до 70 процентов средств, полученных от противоправной деятельности различных оргпреступных сообществ (Корпус русского языка).</p> <p>Много добра взял с собой в дорогу поселянин, и все, даже самое ценное, он отдает, чтобы подкупить привратника (Кафка).</p>
--------	---	--	--

По данным таблицы можно сделать вывод, что далеко не вся лексика с потенциальным коррупционным значением представлена в российском законодательстве, при этом она явно имеет в некоторых контекстах такое значение. Стоит отметить, что некоторые из рассмотренных слов со временем утратили потенциальное коррупционное значение. Об этом свидетельствует статья из словаря В. И. Даля, посвященная слову «взирать», в которой представлено следующее толкование: «взятка ж. срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пишкеш, бакшиш, хабара, могарычи, плата или подарок должностному лицу, во избежание стеснений, или подкуп его на незаконное дело». Например, слова «гостинцы» и «подарок», выделенные нами в качестве слов с потенциальным коррупционным значением, употреблены в данном случае как синонимы, означающие вид взятки должностному лицу. Но в современном законодательстве не все они нашли отражение, поэтому главная роль в определении коррупционной составляющей остаётся за лингвистическим анализом.

Представленные в таблице слова можно назвать «сигнальными» или «словами-сигналами», указывающими на то, что в данном контексте речь может идти о коррупционных действиях.

Для облегчения работы эксперта по антикоррупционным делам необходимо в перспективе составить словарь таких «слов-сигналов», имеющих потенциальное коррупционное значение. Стоит учитывать тот факт, что коррупционным значением могут обладать не только существительные, синонимичные слову «взятка» в одном из своих значений, но и, например, такие глаголы, как «договориться», «решить», а также словосочетания типа «решить вопрос». Такой словарь, учитывающий потенциальные коррупционные значения некоторых слов, облегчит работу лингвиста-эксперта со спорными текстами.

ГЛАВА 3

Методы и приёмы анализа текста в антикоррупционной экспертизе

При исследовании текстов по антикоррупционным делам используются традиционные лингвистические методы. Н. В. Вязигина выделяет широкий круг методов, которые могут быть использованы при проведении лингвистической экспертизы по делам о коррупции:

— «Референциальный анализ является основным методом установления предметного содержания разговора: путём соотнесения отдельных используемых языковых элементов и контекста устанавливается объект передачи, субъекты действия (передающий, получающий, посредник)»¹⁶.

— «Методом дефиниционного анализа устанавливается значение используемых лексических и фразеологических единиц при помощи словарей русского языка, как нормативных, так и различных словарей жаргонной, разговорной, заимствованной и т. д. лексики»¹⁷. Это основной метод, используемый для выявления значения использованных слов. В диалогах взяточники могут использовать как смысловые лакуны, так и слова, в толковании которых имеются компоненты, прямо указывающие на реализованное коррупционное значение. Н. В. Вязигина также отмечает, что «в случае, если значение используемой языковой единицы не зафиксировано в словарях или зафиксированные значения не соответствуют контексту, может быть проведён узуальный анализ»¹⁸. В таком случае эксперт может использовать корпусы текстов. Часто взяточники используют слова в совершенно иных значениях, чем описанные в словаре, обращение к корпусам может помочь выявить потенциальное коррупционное значение.

— «Метод контекстуального анализа»¹⁹. С его помощью устанавливается, какое из значений многозначного слова использовано в контексте. Очень часто именно анализ ближайшего контекста позволяет говорить о том, что слово реализует потенциальное коррупционное значение. Это касается, в частности, эвфемистических замен, которые называют ту или иную сумму

¹⁶ Судебная лингвистика : монография / О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина, Ю. В. Холоденко, С. И. Кузеванова, М. Е. Маргольф, А. А. Селина; под ред. О. Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт, 2015. С. 266.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

денег. В своём прямом значении числительные не имеют коррупционного значения, но соответствующий контекст, в который они помещены, позволяет говорить о том, что они обозначают именно денежные средства.

— «Методом анализа пресуппозиций устанавливается наличие в отдельных высказываниях и разговорах в целом имплицитной информации, значимой для интерпретации текстов»²⁰. Часто информация в высказываниях в диалоге о взятке представлена в имплицитном (скрытом) виде, поэтому необходимо проанализировать пресуппозицию высказывания, чтобы верно понять его смысл.

— «Методом функционально-прагматического анализа устанавливается наличие признаков побуждения и характер волеизъявления говорящего»²¹. Текст или высказывание исследуются на предмет содержания в них речевых актов, выражающих волеизъявление, прежде всего, побуждение к чему-либо. Для экспертизы по антикоррупционным делам значимыми являются такие виды побуждения, как просьба, требование, уговоры, предложение, угроза, предостережение.

— «Методом дискурс-анализа исследуются параметры коммуникации с точки зрения ее формы, функций и ситуативной и социально-культурной обусловленности»²². Этот метод также называется методом анализа коммуникативной ситуации. С его помощью устанавливаются условия коммуникации (например, письменная или устная, официальная или неофициальная коммуникация и др.), участники коммуникации.

Стоит отметить также, что в ситуации недостаточного определения исследуемого явления, отсутствия точного определения понятия взятки (это осложняет порой понимание анализируемого текста) возникает необходимость дополнительного определения понятия, необходим сбор косвенных улик, информации, которая могла бы уточнить мотивы, цели замешанных в коррупционном деле фигурантов. По нашему мнению, эти задачи могут быть решены лингвистом-экспертом с помощью тематического анализа представленного на экспертизу текста.

Несмотря на то, что некоторые эксперты против проведения подобной работы²³, мы считаем, что далеко не во всех случаях это справедливо. Именно тематический анализ, вкуче с анализом скрытых смыслов, помогает выявить задачи коррупционера, облегчает поиск необходимой информации в спорном тексте.

²⁰ Судебная лингвистика : монография... С. 267.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 268.

²³ Вязигина Н. В., Матвеева О. Н. Судебная экспертиза по делам антикоррупционной направленности: презентация вебинара 19.02.2017. Режим доступа: <http://lingva-expert.ru/news/vebinar-sudebnaya-ekspertiza-po-delam-antikorrupsionnoy-napravlennosti/> (дата создания: 19.02.2017).

Кроме этого, нужно отметить, что тематический анализ позволяет обратить внимание заказчика (чаще всего в подобных делах это следственные органы) на важные факты, которые могут быть не замечены при первичном следствии, а также, вследствие недостаточных познаний в юриспруденции, могут быть неадекватно интерпретированы самим экспертом. В этой ситуации эксперт не берёт на себя функций следователя, что во многом снимает спорный вопрос о границах его компетенции.

Так, например, на рассмотрение эксперту были даны записи диалогов сотрудников полиции (М1 и Ж1), в которых один предлагал «замять», «тянуть» дело и не передавать его в суд, предлагая за это вознаграждение под видом премии²⁴.

При ответе на стандартный вопрос о назначении передаваемых денежных средств, если о них идёт речь, эксперт должен провести тематический анализ всего текста. В данном случае очень важно исследовать весь материал, т. к. только в этом случае эксперт может обратить внимание следователя на те подробности, которые могли остаться незамеченными, интерпретация которых была затруднена пониманием текста в целом и пр. Из пояснения следователя было ясно, что следствие ведётся по делу о взятке за неисполнение обязанностей, но из проанализированных диалогов эксперт сделал вывод, что у взяткодателя были и другие задачи: кроме затягивания дела, М1 неоднократно просит Ж1 выяснить телефон свидетеля.

Перед экспертами также был поставлен вопрос о категоричности просьбы М1 к Ж1, отвечая на который, эксперты дали заключения о том, что не все просьбы были категоричными: лишь в одном эпизоде М1 категорично предлагает деньги Ж1: «Всё, давай. Бери, бери, бери... Все, давай, давай, давай. Вот сюда засунь, на вот». При этом просьба о затягивании дела, основная тема разговоров М1 и Ж1, выражена некатегорично: «М1. — Сколько тянуть будешь, сколько можно вытянуть по срокам?», «М1. — Мы сколько сможем срок потянуть?», «М1. — Сколько ты будешь ее доделывать? / Ж1. — Там работы на сутки / М1. — Ну хорошо — это две недели», «М1. — А заболеть?».

Категорично же выражена другая просьба — достать телефон свидетеля. При более тщательном анализе диалогов можно выявить ряд микротем, которые подтверждают заинтересованность М1 именно в затягивании дела.

Так, например, на протяжении всего диалога М1 упоминает, что дело, о котором он просит, носит «заказной» характер, несколько раз дело называется «политическим», в котором сложно разобраться: «Просто она (начальник Ж1) эту ситуацию не знает. Я не хочу, понимаешь, чем больше я начинаю раз-

²⁴ См. подробнее: *Стернин И. А., Карпов Д. Л.* Премия или взятка // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 115–117.

говаривать, тем больше человек попадает сюда, в этот круговорот. Знаем ты, я и все. Ты знаешь, почему идет наезд со стороны. И это политическое дело до суда доводится». Постоянное обращение к этой теме объясняется желанием М1 воздействовать на Ж1, собеседник применяет стратегию убеждения, характеризуя дело как запутанное, в котором заинтересованы определённые лица, не желающие его справедливого разрешения.

Тема «политического дела» переплетается с темой ложных обвинений и свидетельских показаний: «Если они говорят, что был звонок, че там, значит, в суд направлять, значит, человек не купленный — герой, а если не был, тогда смотреть надо. Потом, там ведь человек 15 было. Из 15 человек только одного они все запомнили. Даже с этими свидетелями враньё, которого они лупили, прекрасно его знают, а показания на него не дают, знаешь почему? Потому что ему в этом в «Золотом кольце» ствол в рот засовывали...». В данном случае необходимо констатировать, что М1 эксплицитно не выражает свою просьбу не доводить дело до суда, но объединение тем «затягивания дела» и «ложных показаний» дает возможность установить цели, преследуемые М1. В данном случае, указывая на несправедливость обвинения, которое в ходе судебного разбирательства станет несправедливым осуждением, М1 навязывает Ж1 мнение о собственной потенциальной вине, что, конечно же, является аргументом в пользу мнения, что дело не должно быть доведено до суда. Постоянные повторы, возвращение к теме ложных показаний («человека реально там вообще не было. А реально этого человека стали указывать...») эксплицитно демонстрируют заинтересованность М1 в неисполнении Ж1 своих служебных обязанностей. Кроме того М1 постоянно на протяжении диалога апеллирует к личной жизни и проблемам Ж1, добиваясь интимизации коммуникации, что также указывает на особую заинтересованность в продлении сроков разбирательства по уголовному делу.

Это акцентирует и просьба о получении телефона свидетеля, как говорит М1, для того чтобы установить его «реальность». Как сказано выше, это просьба выражена крайне категорично, хотя прямой связи с предложением денег в диалоге не имеет. Возникает проблема адекватной интерпретации цели М1. Но дополнительный анализ тем, вводимых в разговор М1, позволяет однозначно определить его цель как затягивание дела, требование телефона является в данном случае побочным.

Тематические повторы, риторические вопросы, обращение к профессиональному опыту в конечном итоге развивают тему затягивания дела:

«М1. — Я тебе говорю, этот человек специально взялся в этом деле.

Ж1. — Нет, ну она показания все хорошо расписывает.

М1. — Ещё бы она не расписала. Конечно, её же подготовили к этому. И подругу её подготовили. Надо установить сейчас, кто этот человек-то».

И далее:

«М1. — Да не будет там звонка, я тебе говорю. Этот человек специально в этом деле появился, чтобы топить ту сторону.

Ж1. — (Далее неразборчиво, похоже на: Это тот бандит что ли? / Ты тот бандит что ли? — прим. экспертов).

М1. — Я сколько таких людей по уголовному делу загонял. Я говорю, ну по уголовным делам сколько подставные делали, чтобы там опознание делали и прочее, так что эту схему я знаю».

Таким образом, цель введения темы ложного свидетельства — убеждение Ж1 в справедливости умозаключений М1. Указывая на ложность свидетельства, М1 подталкивает собеседника к отказу от исполнения своих профессиональных обязанностей. Это указывает и на высокую степень заинтересованности М1 в своей главной просьбе. Стратегия убеждения строится на основе введения побочных тем, что не исключает и решения иных задач посредством этого.

Апелляция к отказу от профессионального долга также эксплицируется в тексте с помощью введения темы последствий передачи уголовного дела в суд: «М1. — А когда воевать будут, вышестоящие, знаешь что? крайними нас сделают?», «М1. — Я не хочу, чтобы при мне пальба была», «М1. — Сейчас 1 сентября. Самое главное, чтобы никто не взорвался. Ты сядешь... будешь дольше, чем тебе лет... посадят...», «М1. — Первое, как бы не хочется боевые действия, а второе, что человек, там реально его даже не было», «М1. — А эти парни еще не пишут заявление, вот они сейчас ждут, если дело в суд направляется, все это просто такая катавасия сейчас просто завяжется», «М1. — Они примиряться не будут. Стреляться если только будут».

Вводя тему негативных последствий передачи уголовного дела в суд, М1 преследует цель убедить Ж1 в явном, как он полагает, противоречии между целями следствия и результатом, к которому оно приведёт. В итоге М1 прямо апеллирует к нравственному выбору между формальным следованием служебным обязанностям и спасением невинных людей: «М1. — Я думаю, выговор — это не человеческая жизнь, пережить можно». При этом М1 также настаивает на том, что негативных последствий «правильного» выбора не будет: «М1. — А не направляем, плохо-то что будет?».

В итоге тематического анализа всего текста эксперт приходит к выводу, что, несмотря на отсутствие признаков категоричности в выражениях М1, тематический анализ доказывает высокую степень заинтересованности преступника в исполнении его замысла.

Приведенный пример подтверждает, что тематический анализ помогает выявить стратегию взяточдателя, целью которого является уговор, аргументация бессмысленности следствия по делу.

Именно тематический анализ материалов, предоставленных эксперту, позволяет установить и значение слова «премия» в контексте разговора: дача должностному лицу лично взятки в виде денег за приостановление передачи уголовного дела в суд, а также передачу телефона свидетеля третьему лицу.

Тематический анализ позволяет подтвердить первичные выводы по тексту, раскрыть дополнительные обстоятельства дела, выявить степень заинтересованности в положительном ответе на просьбу, а потенциально и выявить новые обстоятельства дела. Тематический анализ дополняет анализ скрытых смыслов, коммуникативных стратегий собеседников и, по нашему мнению, должен являться неотъемлемой частью экспертизы текста по делам, связанным с коррупцией.

ГЛАВА 4

Слова с потенциальным коррупционным значением

В 2013 году вышел нормативный подзаконный акт Минтруда РФ «Рекомендации по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки», в нем были представлены конкретные высказывания, которые могут быть интерпретированы собеседником как требование взятки. Это список слов и речевых оборотов, которые выше были названы «сигнальными», их значения ситуативны, они могут пониматься как попытка сокрытия истинного смысла, будут наделяться криптолалической функцией, даже если таковой не имеют. Например, служащий ведет переговоры о последующем трудоустройстве с организацией, упоминая, что организация может извлечь определённую выгоду из его решения; или родственники служащего устраиваются на работу в эту организацию, служащий говорит о своей низкой зарплате, отсутствии работы у родственников и под. Также некоторые слова, выражения могут быть восприняты собеседником как просьба (намек) о даче взятки («вопрос решить трудно, но можно», «спасибо на хлеб не намажешь», «договоримся» и др.).

Все описанные слова, выражения и темы беседы являются потенциальными маркерами коррупционного содержания текста.

Список коррупционных языковых маркеров не исчерпывается приведенными выше примерами, в реальности он гораздо шире, и необходимы исследования в данной области для составления достаточно репрезентативного списка потенциальных коррупционных маркеров.

Это целесообразно делать по двум направлениям: маркеры испрашивания преимущества (взятки) и маркеры предложения преимущества (взятки). Например:

Испрашивание преимущества должностным лицом:

как будем решать вопрос?

вопрос решить трудно, но можно

думаю, мы договоримся

я вижу, с вами можно договариваться (решать вопросы)

мне нужны более веские аргументы
нужно обсудить параметры
спасибо на хлеб не намажешь
мы спасибо не пьем
вы думаете, эту проблему решить просто?
как будем решать нашу проблему?
ну что делать будем
давайте где-нибудь встретимся, посидим и обсудим наши проблемы
у меня сейчас есть проблемы, которые мне надо решать
я вам помогу, если вы поможете мне
у меня сын в институт поступает
у меня сейчас дочь (жена) без работы
никак не могу съездить в отпуск на море
мы при желании, возможно, сможем предоставить вам скидку
а вы можете помочь нашему фонду?
а вы можете помочь нам сделать ремонт в классе, где моя дочь учится?
и у меня к вам просьба — воспользуйтесь услугами фирмы N
и под.

Предложение преимущества должностному лицу:

мы можем помочь вам решить вашу проблему
мы можем пригласить к нам на работу вашего сына
мы можем помочь вам с отдыхом
мы будем вам, разумеется, очень благодарны
наша благодарность вас приятно удивит
за нами не заржавеет
у нас есть возможность вас поощрить
мы имеем возможность поощрить вас за ваши усилия
мы вам дадим премию
мы можем помочь вам получить кредит
у нас есть (предусмотрены) свободные средства для поощрения на-
ших партнеров
мы подумаем о том, чтобы наши отношения были взаимно выгод-
ными
вы поможете нам, а мы поможем вам
и под.

Важно при этом, чтобы контекст спорного текста подтверждал коррупци-
онную направленность выявленных выражений, поскольку многие фразы
могут быть истолкованы в буквальном смысле: например, *мы будем вам
благодарны* может иметь и чисто этикетный смысл.

При проведении лингвистической экспертизы часто возникает потребность дифференцировать значения некоторых языковых единиц, установление различий или тождества которых имеет существенное значение для рассматриваемого дела²⁵.

Обратимся к примеру, демонстрирующему важность реагирования на потенциальные маркеры коррупционного текста, которые указывают на особое внимание к высказываниям собеседников и необходимость скрупулёзного исследования контекста употребления сигнального слова.

Предметом экспертизы является диалог между А и Д. А и Д — работники следственных органов. А обращается к Д с рядом просьб, касающихся расследуемого ею уголовного дела. За выполнение его просьб А предлагает Д поддержку в разных сферах жизни и денежное вознаграждение.

На заключение эксперта был вынесен вопрос: «Обсуждается ли в ходе разговоров А и Д вопрос о денежном вознаграждении? Если да, то можно ли однозначно сформулировать предназначение денежных средств?»

В ходе анализа спорного текста было установлено, что А:

Предлагает Д угощение:

А. — Ну поедем, да напьемся.

Д. — С горя-то?

А. — Да, этот момент разрешим.

Предлагает помощь с устройством ребенка Д в детский сад:

А. — ... Одной воспитывать и работать. В сад-то устроила?

Д. — Не-а.

А. — А чего?

Д. — С двух лет.

А. — А в какой?

Д. — Рядышком с работой. В который я ходила.

А. — Все устроила там?

Д. — Да.

А. — А то помощь нужна — окажем.

Обещает Д. покровительство, если она получит еще один выговор или будет подвергаться критике со стороны ее руководства:

Д. — ... Просто, если тянуть, реально тянуть, просто получу выговорешник.

А. — Да я тебе выговор компенсирую. Одним больше, одним меньше.

Д. — Два выговора уже строгач. А потом уже неполное служебное.

А. — Ну это мы тебя прикроем. Не переживай, с К я переговорю, чтобы сильно не наезжала.

²⁵ См.: Стернин И. А., Шепелевич С. И. Откат и взятка: семантический и юридический подходы // Язык и национальное сознание. Вып. 18. Воронеж, 2012. С. 133–139.

Предлагает Д принять ее к себе на работу:

А. — Такое ощущение, что лет 15 уже трудишься. Честно говорю. Я на себя-то оглядываюсь. Мне уже в октябре будет 19 лет как я в милиции. Не знаю, что делать-то? Кстати, здесь место освобождаться будет. Не хочешь сюда?

Д. — В следствие? А кто здесь?

А. — Да. Тут дело новое кто-то куда-то убрал (видимо, что-то ищет на столе. — прим. экспертов). С. увольняется. Хочешь?

Д. — Да можно. Так она не сейчас же. Меня не переведут, пока я дело не сдам. Мне сказали ни отпуска, ничего.

Предлагает Д деньги:

А. — Надо тебя премировать. Деньги ни для кого не лишние, согласна или нет? Давай мы тебя премируем?

Д. — Зачем?

А. — Ну как зачем? Штуки три тебе дам.

Д. — Так зачем?

А. — Я тебя премирую. Я тебе сказал, мы тебе компенсируем все. Пусть оно (дело) в суд уходит, там не вопрос, но нам сейчас надо время, чтобы поиграло на нас. Ладно? Все, давай. Бери, бери, бери.

А. — ... я тебя как руководитель премирую, как бывший твой руководитель, ну так покумекай. Мы с тобой еще пересечемся, тогда в среду, ладно?

А. — Я тебе че, блин, ... взятку предлагаю что ли? Это тебе премия...

А. — Все давай, давай, давай. Вот сюда засунь, на вот. Я тебе что, взятку даю? Давай до среды.

Предложение денег со стороны А выражено однозначно и высоко категорично. Он однозначно и категорично требует, чтобы Д взяла деньги: *Все, давай. Бери, бери, бери. Все, давай, давай, давай. Вот сюда засунь, на вот.*

Однозначность требования взять деньги определяется:

- наличием повторяющегося глагола *бери* (*бери, бери, бери...*);
- эксплицитным указанием, куда положить деньги (*вот сюда засунь, на вот*).

О категоричности (решительности, недопущении возражений) предложения взять деньги свидетельствуют:

- местоименное существительное *всё*, имеющее значение категоричного побуждения к отказу от возражений, — «конец, кончено»;
- побудительный глагол *давай* в знач. частицы — побуждение действовать быстрее;

- усилительный повтор словоупотребления — *давай, давай; бери, бери, бери*, который придает повышенную категоричность выражаемому смыслу;
- повтор предложения *взять деньги: Вот сюда засунь, на вот* (то есть дважды выражено побуждение *взять деньги*), что усиливает категоричность выражения смысла.

Предложение *Д* *взять деньги* выражено *А* категорично и однозначно.

Относительно назначения предлагаемых *А* денежных средств однозначность в тексте формально отсутствует, но назначение средств может быть установлено контекстуальным анализом.

Эксплицитно (открыто, прямо), в открытой словесной форме *А* обозначает в диалоге назначение предлагаемых им *Д* средств как *премию*. Однако анализ общего контекста диалога и коммуникативной ситуации свидетельствует, что *А* предлагает *Д* взятку.

Слово *премия* в русском языке, по данным толковых словарей, имеет в современном русском языке следующие значения:

- 1) Официальное денежное или иное материальное поощрение в награду за что-н.
- 2) Дополнительное денежное вознаграждение, выдаваемое сверх заработной платы за перевыполнение плана, за снижение себестоимости продукции и т. п.
- 3) Бесплатная придача, прибавление при покупке какого-л. товара, какого-л. количества товара.
- 4) Бесплатное приложение к журналу или газете.
- 5) Вознаграждение одной из сторон, заключающих сделку, за выгодное для контрагента изменение ею условий сделки.
- 6) Награда (денежная, в виде ценной вещи и т. п.) за успехи, заслуги в какой-л. области деятельности.
- 7) Экон. Денежная сумма, выдаваемая некоторыми правительствами капиталистических стран экспортёрам в поощрение вывоза определённых товаров.
- 8) Финанс. Разница между биржевой и номинальной стоимостью ценной бумаги.
- 9) Финанс. Денежная сумма, уплачиваемая страхователем страховому учреждению за риск, который оно несёт.

В анализируемой коммуникативной ситуации, учитывая отношения между участниками общения, их статус, должностное положение, слово *премия* не может быть употреблено ни в одном из приведенных значений.

Значения 1 и 2 наиболее подходят по содержанию для анализируемой ситуации, но и они не усматриваются в анализируемом тексте.

Предлагаемые следователю Д деньги не могут являться премией, поскольку:

1. А не может давать Д премию в связи с тем, что Д не находится в его подчинении, он не имеет права поощрять материально чужих работников (он сам говорит — «я бывший начальник»). Поэтому он дает деньги неофициально, предположительно, собственные деньги, что премией не является.
2. Премия дается за хорошую работу, а Д еще ничего для него не сделала, он только обращается к ней с личной просьбой — узнать телефон, затянуть дело и др.
3. Премия дается по завершении работы, а Д еще ничего не сделала для А.

Анализ показывает, что в речи А в спорном тексте слово *премия* выступает как *эвфемизм* (смягчающее смысл выражение, употребляющееся вместо какого-либо неприятного, неодобрительно воспринимаемого обществом слова или выражения) слова *взятка*.

Определения понятий «взятка» или «получение взятки» современный уголовный закон не дает, определяя лишь наказание за совершение таких действий. Однако понятие взяточничества можно вывести из ст. 290 УК РФ: это получение должностным лицом лично или через посредника *выгоды* в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

Таким образом, понятие «взятка» охватывает абсолютно все незаконные получения должностными лицами любых материальных ценностей и не выраженных материально выгод имущественного характера.

Исчерпывающую дефиницию термину *взятка* дать невозможно, т. к. формы взяточничества, порядок передачи ценностей от одного лица другому (напр., через цепь подставных лиц) в каждом конкретном случае очень индивидуализированы.

В словаре С. А. Кузнецова *взятка* — деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего; *подкупить* — привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками и т. п.

В бытовой речи *взяткой* называют любое действие, имеющее целью материально заинтересовать некоторое лицо в действиях, выгодных взяткодателю («да дали ему взятку, вот и все»).

Таким образом, можно считать, что взятка — это общий термин: материальные выгоды, передаваемые некоторому лицу в нарушение закона. Взятка обычно дается перед совершением противозаконного действия.

Скрытый смысл предложения «премии» — это дача взятки.

Д не хочет брать деньги — официальную премию она бы наверняка взяла, она понимает, что ей дают не за хорошее качество работы, а как аванс за выполнение услуги.

Деньги ей А навязывает в категоричной форме, буквально заставляет ее взять деньги насильно.

Таким образом, исходя из контекста и известной экспертам коммуникативной ситуации, исходя из контекстуального смысла слова *премия* в спорном тексте передача А денежных средств для Д однозначно является взяткой. Разграничение смежных понятий — один из важнейших методов в работе эксперта с текстом, имеющим коррупционную тематику.

Но сокрытие содержания проявляется в появлении не только смежных понятий (такowymi в контексте коррупционного диалога являются «премия» и «взятка», нужно отметить, это один из частотных способов маскировки), но и оборотов, канцеляризмов, не указывающих непосредственно на передачу денежных средств.

Несомненно, есть определённая лексика, которая встречается в текстах с коррупционной тематикой достаточно часто. Даже в бытовой речи, когда участник диалога ищет эвфемизм, он прибегает к определённой базе такой лексики, подбирая соответствующий ситуации синоним: «занёс чемодан/ мешок», «дал на лапу» и пр. Но есть и другие лексические группы, легко приобретающие в контексте коррупционное значение.

С. В. Доронина совершенно справедливо подчёркивает, что «нетривиальной задачей при анализе диалогов по антикоррупционным делам является обнаружение маскировки содержания диалога»²⁶. По утверждению специалистов, маскировка происходит с помощью особых речевых средств, на что указывают Т. В. Варлакова и С. В. Доронина, в том числе с помощью эвфемистических замен, часто являющихся ситуативными, такие примеры приводят исследователи в своих работах.

Например, к таким словам-сигналам может быть отнесено слово «решить», которое часто встречается в текстах с коррупционной тематикой.

Словарь даёт следующую трактовку этого слова: «РЕШИТЬ, -шу, -шишь; решённый; -шён, -шена, -шено; св. 1. что, с инф. или с прилат. дополнит.

²⁶ Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал.гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2015. Вып. 3 (53). С. 247.

После обдумывания прийти к какому-л. выводу, к необходимости каких-л. действий. ... 2. что и с инф. В результате обсуждения вынести заключение, принять постановление. ... 3. что. Найти требующийся ответ, определить искомое. ... 4. Найти разрешение чему-л. или способ осуществления, исполнения чего-л. ... 5. что. только 3 л. Стать определяющим, наиболее существенным в чём-л. ... 6. чего. Разг.-сниж. Лишить чего-л. ...» [5].

В имеющихся в нашем распоряжении текстах слово употребляется следующим образом:

1. М. — То есть даже если, например, он у тебя с первого раза не сдаст, потом в ГАИ подъедешь, за него договоришься если че?

СМ. — Ну, решим, придумаем что-нибудь.

2. СМ. — Ну ему там, в ГАИ надо сдавать, правильно?

К. — В ГАИ надо сдавать, 19-го будет сдавать. Сможешь подъехать там порешать вопрос?

СМ. — Ну попробуем, не обещаю, сам знаешь как.

К. — Не надо попробовать, надо помочь.

...

К. — Ну ты все равно подъедь 19-го, порешай вопрос, если реально решишь вопрос, человек сдаст, люди, которые заинтересованы в его сдаче, как и он, отблагодарят.

...

К. — Если вдруг, если он завалит 19-го числа, документы забирай в свою школу его тогда, оформляй его в свою школу и решай вопрос в ближайшие дни, там неделю.

3. К. — ... Ты там порешал, все нормально? Как думаешь?

СМ. — Да, все договорился. Там уже как сейчас они сделают, уже не от меня зависит. Я все сказал, все что можно.

4. Ж. — Я буду медленно ехать, аккуратно.

М. — Не вопрос. Поехали, проедем. Но даже вот мы с ним решили... Он говорит, ты ее просто лучше, нафиг, на следующий раз, говорит, оставляй. Просто палево то, что два инспектора, вот и все (начал движение).

5. М1. — Ну чего ты предлагаешь мне, ну скажи, скажи?

М2. — Что они сорвали объект.

М1. — Мне за это башку оторвут. Ты чего? Я ж тебе почему говорю... (просит у официантки хлеба). Мы же когда с тобой еще в машине-то сидели, говорили. Понимаешь?

М2. — Они мне сказали: «Там мы порешаем сами».

6. М2. — Я им сказал, что там Сизонов облажался, надо быстрее решать с нрзб. и этим.

М1. — Они пошли решать с такими людьми?

7. М2. — Нет. Я же говорю — там другая служба. Вот, приехал, я ему все это объяснил. Он говорит: «Я столько не брал». нрзб. — «Вам сказали, вы решаете, вопрос можно решить. Дальше думаете. Вы знаете, к кому? — к тому, кому доверяете. Меня вы не знаете, но я вам говорю нрзб.» — «Да как я вам могу верить?! Может вы тоже нрзб.!» Вот так — целый начальник, большой, в большом здании в Москве. — «Ну, вы обратитесь, — кому вы доверяете». Он есть нрзб.

8. С. — Ребят, давайте решим.

З. — нрзб. Неси этот... у меня в этой...

Ш. — На базе достанем, сейчас отстраню, нрзб. проведём.

С. — Ребят давайте решим, я в школе работаю на Мехзаводе.

Ш. — Ну и что автобусы есть.

З. — Учителем?

С. — Ну не погубите, нрзб.

9. С. — Давайте так разойдемся, все решаемо, не бывает таких ситуаций. С женой ехал, всё приехал, уже вернулись, припарковались, нрзб...

10. С. — А решить нельзя ещё?

11. С. — Это первый и последний раз. Товарищ старший лейтенант, давайте я вам помогу, не помогу, а, ..., решу и искуплю, заплачу как положено.

12. С. — А сколько решение этого вопроса?

З. — Чего?

С. — По деньгам, сколько решить этот вопрос?

З. — С кем?

С. — С вами.

13. С. — Вот есть у меня пятерка сейчас в машинке, решим? Вы по домам, а я спать уйду.

Ш. — То есть как решим, то есть подожди, то есть как решим? То есть, вы хотите что сделать?

С. — Ничего я не хочу. Чего хочу? Решить вопрос мирно, без судов, без этих, без протоколов, без всяких.

14. С. — Ну вот, всё реальное решение — никуда не едем, «ничего не это», и всё. Я кошелек вам дам и всё, по домам.

В приведённых примерах из трёх разных текстов-диалогов, исследованных в ходе рассмотрения антикоррупционных дел, слово «решать» и его производные близки четвёртому значению, зафиксированному в словаре: «Найти разрешение чему-л. или способ осуществления, исполнения чего-л.». Слово «решить» обозначает некоторый способ решения проблемы, при этом в некоторых случаях оно употребляется со словами, принадлежащими семантическому полю «благодарность, оплата» (см. пример 2, 11, 12, 13, 14). Таким образом, слово «решить» помещается в контекст передачи «благодарности»: один из часто задаваемых эксперту в таких случаях вопрос связан с именно с передачей денежных средств. В перечисленных случаях удачное «решение» влечёт за собой оплату услуги, сочетание слова «решить» и слов со значением «благодарность/оплата» в коррупционном контексте с большой степенью вероятности указывает на противоправные действия: реализуется сюжет «незаконного действия – незаконной оплаты его».

Следует помнить, что текст, представленный на анализ эксперту, чаще является диалогом с должностным лицом, иначе коррупционная составляющая не может быть предметом судебного разбирательства, при этом госслужащий, получающий заработную плату от государства за исполнение своих должностных обязанностей, не может претендовать на оплату от обращающегося к нему или не может быть одариваемым, это выходит за рамки официального поощрения, которое происходит публично. Подобный случай описан выше. Уже на основании этого мы можем говорить, что помимо основного, общеязыкового значения слово «решать» получает дополнительные коннотации: «разрешить проблему за определённую плату», «разрешить проблему незаконным путём».

Заметим, что вместе с изменением значения у слова появляется новая возможность сочетаемости: ни в одном словаре литературного русского языка не зафиксировано сочетание «решить вопрос». Это сочетание является грамматически неверным, в то же время оно используется в каждом из рассматриваемых случаев, при этом сочетание явно имеет значение «неофициального» разрешения проблемы (см. примеры 2, 7, 12, 13).

Отметим, что во втором примере выражение «решить вопрос» также связано с особой интонацией категоричности: «решить вопрос несмотря ни на что» — «Не надо попробовать, надо помочь». Видимо, менее категоричным является выражение «порешать вопрос», которое не подразумевает результативности, не имеет значения окончательности действия, с помощью приставки «по-» подчёркивается значение вероятности, длительности процесса.

Изменение валентности слова, приобретение дополнительных значений и семантических оттенков указывает на то, что слово «решать» в коррупционном контексте имеет особое, уникальное значение. В подобном контексте

однозначно реализуется коррупционный потенциал слова. В данном случае можно говорить о формировании особого коррупционного жаргона, в котором общеязыковые лексические единицы употребляются в переносном значении, при этом одно и то же слово употребляется в сходных контекстах, но совершенно не связанных друг с другом ситуациях.

Обратим внимание также на частотность употребления слова «решим». Ни в одном из анализируемых текстов слово не употреблено однократно. Так, в одном тексте зафиксировано 10 употреблений слова «решить» в коррупционном значении, во втором — 9, в третьем — около 100, впрочем, это обусловлено спецификой диалога. Можно предположить, что постоянное повторение слова «решать» и слов, образованных от него, указывает на особую содержательную нагрузку этого слова в коррупционном тексте, а также на особую функциональность этого слова как средства сокрытия прямого смысла высказывания.

Из этого можно сделать вывод, что слово «решать» — одно из наиболее употребляемых слов с потенциальным коррупционным значением, появление этого слова в определённом контексте может указывать на обозначение противоправных коррупционных действий.

Конечно, анализ подобных слов возможен только в определённом контексте, не всегда коррупционное значение будет реализовано в тексте, потенциал необязательно реализуется в конкретной ситуации, но наличие периферийного значения всё же делает эту лексику сигналом для следственного работника и эксперта.

ГЛАВА 5

Коммуникативные акты, связанные с коррупционными намерениями

При анализе коррупционной ситуации мы постоянно обращаемся к описанию контекста, поэтому необходимо искать подтверждения преступных намерений не только на лексическом уровне, но и в коммуникативном поведении говорящего, это не менее продуктивный способ определения коррупционной составляющей. Прежде всего следует обратить внимание на коммуникативный инструментарий, который используют участники диалога, это поможет определить цели, преследуемые коммуникантами, что в итоге сможет значительно прояснить намерения говорящих. О. С. Иссерс предложила очень продуктивный метод определения намерений через анализ речевых стратегий и тактик.

Как поясняет учёный, **речевая стратегия** «представляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнёра»²⁷.

Учёт ситуации общения, коммуникативная ситуация в целом, роли, которые исполняют участники, различия в обстановке и местонахождении, определение того, какие речевые акты уместны, какое семантическое содержание следует выражать, какое стилистическое оформление приемлемо — всё это необходимо учитывать говорящему при выборе речевой стратегии.

О. С. Иссерс выделяет два важнейших параметра описания речевой стратегии: прогнозирование и контроль. «Прогнозирование речевых действий означает, что человек учитывает информацию о взаимосвязях между его будущими речевыми действиями и ситуацией»²⁸. То есть собеседник выбирает такую модель речевого поведения, которая не приведёт к коммуникативной неудаче. «Применительно к речевой стратегии контроль означает, что в процессе речевого взаимодействия говорящий пытается направлять релевантные интеллектуальные и эмоциональные процессы слушающего (его интересы, оценки, рассуждения) таким образом, чтобы те в конечном счёте привели его к нужному решению (состоянию)»²⁹. Иными

²⁷ Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: ЛКИ, 2008. С. 100.

²⁸ Там же. С. 94.

²⁹ Там же. С. 99.

словами, говорящий при помощи определённых речевых действий пытается достигнуть поставленные коммуникативную и реальную цели.

Между речевой стратегией и речевой тактикой существует определённая взаимосвязь: «речевая стратегия и тактика связаны как род и вид»³⁰. Речевая стратегия может быть реализована при помощи различных речевых тактик. Таким образом, «**речевой тактикой** следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии»³¹. При этом «каждая тактика направлена на определённые аспекты модели мира адресата и его психики (знания, оценки, желания). <...> Суть применения конкретной тактики состоит в том, чтобы изменить конфигурацию этих параметров в нужном направлении: усилить какие-либо желания, изменить оценки, трансформировать образ какой-либо ситуации»³². С помощью использования речевой тактики говорящий тем или иным образом пытается воздействовать на адресата, внести изменения в его картину мира, которые и приведут говорящего к достижению поставленных им целей.

Участники диалога о взятке также используют речевые стратегии и тактики. Т. В. Варлакова описывает речевой акт взятчика как побуждение. То есть речевой стратегией речевого акта дачи взятки можно считать побуждение в том или ином виде. «Побуждение может быть представлено в виде просьбы, вежливой просьбы, просьбы с предположением, категоричной просьбы, пожелания, совета, приглашения, приказа, требования, разрешения на совершение действия, запрещения, выражения нежелательности действия, выражения ненужности действия (необязательности), выражения опасения или предостережения. При этом для выражения побуждения используют как прямые, так и косвенные формы»³³. Таким образом, при даче/получении взятки могут использоваться совершенно различные тактики, но все они в той или иной мере будут являться побуждением к совершению каких-либо действий, в том числе речевых.

Речевые тактики реализуются через использование различных речевых жанров. Речевой жанр, как определяет его М. М. Бахтин, — это «относительно устойчивые типы таких высказываний», которые «отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением»³⁴.

³⁰ Там же. С. 110.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 114.

³³ Варлакова Т. В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4. С. 33.

³⁴ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М.: Русские словари, 1996. С. 159.

Проблемой речевых жанров занималась и А. Вежицкая, которая предложила для каждого речевого жанра составить формулу, включающую «последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания»³⁵.

Важнейшим приёмом при построении диалога между взяткодателем и взяточником является речевая провокация. «Провоцирование в речи — это такое символическое речевое представление демонстрируемого говорящим внутреннего состояния, которое учитывает коммуникативные ожидания партнёра по общению и превышает их, предоставляет в силу своей сложной смысловой структуры и реализации стратегий не прямой коммуникации в рамках одной конструкции множественный выбор часто радикально противоположных интерпретаций»³⁶.

«Задача провоцирования заключается в том, чтобы вызывать в провоцируемом чувства, состояния, способные ослабить психологическое сопротивление (психологический «иммунитет») провоцируемого, создать необходимый психологический климат, который позволит провоцирующему беспрепятственно корректировать психическую (аффективную и когнитивную) активность провоцируемого»³⁷. Так и поступает взяткодатель: пытается ослабить психологическое сопротивление взяточника, часто переводит общение из статуса официального в неофициальное, апеллирует к сочувствию и пониманию взяточника.

По мнению О. С. Иссерс и других исследователей, «провокацией можно считать любое осуществление стратегии говорящего, поскольку она ориентирована на необходимый ему перлокутивный эффект»³⁸, т. е. всякое речевое действие направлено на получение какого-либо результата общения.

К анализу речевой провокации обращается Н. В. Вязигина, отмечая, что «выявление признаков провокации в тексте сродни выявлению вербальных показателей лжи: в ситуации провокации провокатор является лжецом, поскольку фактически он обманывает своего собеседника, передает ему ложную и/или искаженную информацию. Соответственно, в связи с этим в речи провокатора появляются такие признаки, как наличие противоречащих друг другу высказываний (с одной стороны, уславливает собеседника, напоминая ему об уголовной ответственности, с другой — не дает прямого отказа, соглашается встретиться снова, обещает

³⁵ Вежицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99.

³⁶ Степанов В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации : монография. СПб.: Роза мира, 2008. С. 10.

³⁷ Там же. С. 53.

³⁸ Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. М., 2009. № 2 (18). С. 92.

подумать над предложением), многократное повторение одних и тех же формулировок (часто это – напоминания об уголовной ответственности), быстрая реакция на высказывания собеседника, которые должны были бы заставить задуматься и сделать паузу (данный признак пересекается с признаками подготовленной речи), уходы от ответов, неопределенные ответы, медленное говорение, связанное с необходимостью контролировать собственные речевые действия»³⁹.

В абсолютном большинстве случаев в диалоге о взятке собеседниками используется намёк. «Использование намека продиктовано этикетом. Не может лицо при исполнении вымогать деньги у потерпевшего»⁴⁰. Это касается и предложения взятки: вряд ли кто-то станет открыто предлагать взятку, человек попытается завуалировать предложение денег с помощью различных приёмов.

А. Н. Баранов выделяет следующие основные свойства намёка:

- содержание намёка представлено в поверхностной форме высказывания редуцированно, в виде следов;
- содержание намёка должно быть угадано адресатом;
- открытие содержания намёка предполагает привлечение «экспертных» знаний адресата о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте;
- воздействие намёка как приёма управления пониманием основывается на эффекте приватизации знания;
- непонимание истинного намёка не должно вести к коммуникативной неудаче в том смысле, что текст, содержащий такой намёк, не должен терять связность и осмысленность, если намёк не понят;
- содержание намёка образует альтернативный — и более глубокий — уровень понимания текста⁴¹.

Важным моментом в некоторых диалогах о взятке является сфера коммуникации, часто происходит смена регистра. «Как правило, передача денежных средств осуществляется после получения сигнала перехода от конфликтного общения к гармоническому, что подтверждает манипулятивный характер данного речевого приема»⁴².

³⁹ Вязигина Н. В. Методологические основы выявления провокации в лингвистической экспертизе по делам о коррупции. Режим доступа: http://www.lingva-expert.ru/expert_says/publications/vyazigina-n-v-metodologicheskie-osnovy-vyyavleniya-provokatsii-v-lingvisticheskoy-ekspertize-po-dela (дата обращения: 22.04.2018).

⁴⁰ Кадар М. М. Эмотивность намеков в русском речевом взаимодействии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 11.

⁴¹ Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика : учеб. пособие. 5-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 208.

⁴² Доронина С. В. Указ. соч. С. 246.

Часто при даче/получении взятки один из собеседников, чаще тот, кому предлагают взятку, использует такой приём, который побуждает взяткодателя выразить в эксплицитной форме намерение дать взятку. «Стремление к ограничению коммуникативной инициативы со стороны лица, проводящего оперативный эксперимент, формирует особый вид его речевого поведения: данный участник демонстрирует недогадливость, недопонимание высказываний в косвенной форме, побуждая собеседника к прямому выражению своих намерений»⁴³.

Часто перед экспертом-лингвистом ставится вопрос о характере волеизъявления говорящего. В таких случаях необходимо установить, содержится ли в разговоре побуждение к каким-либо действиям. Чаще всего побуждение к даче или получению взятки выражено в форме требования, просьбы, уговоров, угрозы, предостережения или предложения. Рассмотрим особенности данных речевых тактик.

В своей работе О. С. Иссерс проводит границу между просьбой и уговорами, отмечая, что «наиболее очевидным отличием просьбы от уговоров следует считать “количественный” признак: на наш взгляд, тактика уговоров не может быть реализована посредством одного коммуникативного хода»⁴⁴. Если для просьбы достаточно будет сделать всего один коммуникативный ход, то есть озвучить свою просьбу единожды, то для уговоров этого будет недостаточно: к предмету просьбы придётся возвращаться на протяжении всего диалога. Таким образом, «отличие уговоров от просьбы состоит не в наличии аргументации, а в множественности аргументов, точнее, в необходимости делать несколько коммуникативных ходов»⁴⁵. Для адресанта важны не сила и убедительность аргументов, а то, сколько коммуникативных сил он затрачивает на уговоры.

От убеждения уговаривание отличает сфера воздействия на адресата: «уговаривание воздействует не на разум и логику, а на чувства и эмоциональный мир адресата, в то время как убеждение направлено именно на разум человека»⁴⁶. Чтобы убедить человека, нужно быть последовательным, подбирать весомые аргументы. При уговаривании используются совершенно иные приёмы, часто не связанные с логичным построением аргументированного сообщения.

Ещё одно отличие уговаривания от убеждения состоит в том, насколько адресат свободен от воздействия адресанта: «в основе разграничения убеждения и уговаривания лежит фактор «насилия над волей

⁴³ Доронина С. В. Указ. соч. С. 246.

⁴⁴ Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. С. 142.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

адресата», который проявляет себя в системе и способах построения аргументации. По содержанию аргументативных сообщений, то есть на основе их семантики, можно с достаточной надежностью отделить убеждение от уговаривания, а также обнаружить коммуникативные ходы, репрезентирующие тактику уговаривания»⁴⁷.

Как было сказано выше, речевые тактики реализуются через использование говорящим тех или иных речевых жанров. Обратимся к часто применяемым при даче/получении взятки речевым жанрам угрозы и предостережения. Данные речевые жанры являются довольно близкими. «Для речевого жанра *предостережение* так же, как и для *угрозы*, свойственно указание на будущее негативное последствие. Так как эти два речевых жанра имеют общие компоненты, в некоторых случаях их и бывает сложно дифференцировать.

Тем не менее между *угрозой* и *предостережением* существует различие, которое заключается в том, что *угроза* носит персонифицированный характер: «я сделаю тебе нечто плохое», «они сделают тебе нечто плохое». Негативные для адресата последствия возникают вследствие каких-либо действий угрожающего или третьих лиц. При *предостережении* негативные для адресата последствия не зависят от действий говорящего или третьих лиц»⁴⁸.

Ещё одной распространённой речевой тактикой, используемой в диалоге о взятке, является требование. «Требование представляет собой коммуникативный тип целеустановки, под которым мы понимаем выражение желания говорящего, чтобы слушающий совершил то или иное действие, которое он должен совершить, что не зависит от его желания»⁴⁹.

Речевые жанры, используемые в диалоге о взятке, могут быть описаны с помощью речевых формул, предложенных А. Вежбицкой. Так, речевые жанры просьбы, угрозы и предостережения будут иметь следующие формулы:

ПРОСЬБА

хочу, чтобы ты сделал для меня нечто хорошее (X)
говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал
не знаю, сделаешь ли ты это, потому что знаю, что ты не обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал

УГРОЗА

говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Гарт И. В. Речевые жанры «угроза» и «предостережение»: проблемы дифференциации. Рукопись.

⁴⁹ Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Издательство Московского университета, 2002. С. 55.

думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал
говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

говорю: если ты сделаешь X, то с тобой может случиться нечто плохое
думаю, что ты не хочешь, чтобы это случилось

говорю это, потому что хочу, чтобы ты мог сделать, чтобы этого не случилось

В соответствии с предложенными А. Вежбицкой речевыми формулами возможно описание и иных речевых жанров. Так, например, могут быть описаны речевые жанры предложения, требования и уговоров:

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

хочу, чтобы ты согласился что-либо сделать

говорю это, потому что хочу, чтобы ты согласился что-либо сделать

не знаю, сделаешь ли ты это, потому что знаю, что ты не обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал

ТРЕБОВАНИЕ

хочу, чтобы ты совершил нечто для меня

говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал

знаю, что ты это сделаешь, потому что ты знаешь, что должен это сделать и что это не зависит от твоего желания

УГОВОРЫ

хочу, чтобы ты сделал для меня нечто хорошее (X)

повторяю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал

не знаю, сделаешь ли ты это, потому что знаю, что ты не обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал

Данные речевые формулы можно применить при описании конкретного коммуникативного акта. Переформулирование исследуемого высказывания с помощью речевых формул позволит сделать вывод о том, содержатся ли в рассматриваемом высказывании признаки того или иного речевого жанра.

Речевые тактики могут быть реализованы с помощью различных речевых приёмов, помогающих достигнуть коммуникативную цель. Н. В. Вязигина указывает на следующие возможные средства достижения коммуникативной цели взяткодателя⁵⁰:

1. путем предупреждения о том, что предлагаемое им деяние — преступление, и ответственность за его последствия ляжет на обоих;
2. путем пространных рассуждений о том, насколько сложно совершить предлагаемое действие, от скольких людей зависит его успех и т. д.

⁵⁰ Вязигина Н. В. Указ. соч.

В этом случае его собеседник вынужден сам предлагать возможные пути решения проблемы, способы передачи денег, обещать конкретные суммы конкретным лицам;

3. путем предоставления инициатору возможности первым назвать сумму, не корректируя и не комментируя ее;
4. с помощью множества вопросов о ситуации;
5. с помощью высказывания предположений о том, что собеседник может быть подставным лицом, в целях его дезориентации;
6. уход от ответа: лицо, которому предлагают взятку, избегает открытого выражения согласия, но и не отказывается;
7. оба собеседника пытаются уравнивать условия общения, придать ситуации менее официальный характер, расслабить коммуникативного партнера. Как правило, это проявляется в «игре на повышение», подчеркивании статуса, ума собеседника, появлении игривой тональности беседы (особенно в случаях общения мужчины и женщины), переходе на «ты».

Для того чтобы установить наличие скрытой информации в диалоге, необходимо определить наличие приёмов сокрытия информации, наблюдение над которыми также поможет установлению целей говорящих. Так же, как и лексикон преступников, круг приёмов может обновляться, поэтому необходимо внимательно следить за речевым поведением участников диалога. На настоящем этапе исследований коррупционного текста С. В. Дорониной были обозначены следующие приёмы сокрытия содержания: «отказ от обсуждения темы (*M2: Ну, ты че по телефону! Мы ж с тобой договорились. Как че позвонишь?*); эвфемистическая замена предмета речи (*M1: И сколько здесь? В обзоре?*); элиминация темы»⁵¹. Элиминация темы заключается в последовательном исключении из диалога всех слов и выражений, которые могут свидетельствовать о том, что идёт речь о взятке. Таким образом, элиминация темы заключается в маскировке содержания разговора.

«Замена маскируемых значимых элементов текста осуществляется разными средствами:

- при помощи дейктических элементов (*M1: Доедь заberi, (вновь) опять что у тебя было: и то, и то.*);
- при помощи полузнаменательного слова, выражающего эмоциональную оценку объекта, но не называющего его. Нередко в устной разговорной речи в данной функции выступают обсценные лексемы или вульгаризмы (*Ж1: Вот блин... Ни фига, с этой гадостью мотыляться по городу!*);

⁵¹ Доронина С. В. Указ. соч. С. 247.

- при помощи эвфемистических замен (*М1: Я тут по официалу двигаюсь (смех). М2: А-а, ну все тогда. Как будешь в тени — так набирай (смех)*);
- при помощи эллиптических синтаксических конструкций (*Ж1: Я забрала, лежат...*)⁵².

Также С. В. Доронина отмечает, что «как правило, в диалогах, отражающих криптолалическую интенцию, используется несколько элиминирующих приемов, последовательно устраняющих из структуры диалога лексические репрезентанты темы речи»⁵³. То есть участники диалога используют не какой-либо один приём, а целую совокупность приёмов, каждый из которых кажется им уместным в той или иной ситуации.

Вряд ли можно чётко распределить речевые приёмы между взяткодателем и взяткополучателем, но в зависимости от особенности оперативных мероприятий внимание эксперта нацелено главным образом на одного из участников диалога. Предпримем попытку описать стратегический репертуар каждого из собеседников.

Стратегия взяткодателя включает в себя несколько ключевых моментов.

Во-первых, главная цель взяткодателя — убедить должностное лицо выполнить что-либо в интересах дающего. Для этого взяткодатель использует различные речевые приёмы, среди которых особенно частотны просьба, уговоры и предложение.

Уговоры реализуются через неоднократное и навязчивое повторение просьбы. Именно поэтому многократное употребление одних и тех же лексем является показателем того, что они реализуют коррупционное значение.

В одном из примеров, взятом из стенограммы, бывший начальник предлагает следователю деньги, которые он обозначает как «премия»: «Ну, надо тебя премировать», «Давай мы тебя премируем?», «Я тебя премирую». Из контекста всего диалога известно, что он просит сотрудника не передавать дело в суд. Таким образом, реализована тактика уговоров, направленная на то, чтобы сотрудник следственных органов выполнила то, что находится в интересах бывшего руководителя, но расходится со служебными обязанностями. Многократное повторение одной и той же мысли в различных вариациях указывает на то, что взяткодатель в высокой степени заинтересован в решении дела в свою пользу.

В качестве доказательства того, что использована та или иная речевая тактика, можно применить переформулирование по речевым формулам, которые были некогда предложены А. Вежбицкой⁵⁴.

⁵² Доронина С. В. Указ. соч. С. 248.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См. Вежбицка А. Указ. соч.

Тогда диалог о приостановке следствия будет выглядеть следующим образом:

- *хочу, чтобы ты сделал для меня нечто хорошее* (как можно дольше тянуть с передачей дела в суд);
- *повторяю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал* (в контексте всей стенограммы встречается неоднократное возвращение к теме затягивания дела, также неоднократно повторяется предложение взять «премию»);
- *не знаю, сделаешь ли ты это, потому что знаю, что ты не обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал* (сотрудник не обязан это делать, но за исполнение просьбы предложена «премия»).

В следующем примере также используется речевая тактика уговоров. Некто просит преподавателя в автошколе сделать так, чтобы один человек без проблем сдал экзамен по вождению. При этом он неоднократно повторяет свою просьбу: «С., помоги, а, родной», «Сможешь подъехать там порешать вопрос?», «Не надо попробовать, надо помочь», «Ну ты все равно подъежь 19-го, порешай вопрос». Хотя в самом диалоге отсутствует прямое предложение денег или услуги, тем не менее просящий выбирает стратегию взяткодателя: уговаривает выполнить нечто в его интересах, обещает вознаграждение за это: «люди, которые заинтересованы в его сдаче, как и он, отблагодарят». В подобных ситуациях признаком коррупционного текста будет также и категоричность предложения взятки или просьбы услуги. Этот вопрос обычно не включается в постановление, но в некоторых случаях он мог бы быть полезным, при недостатке прямых обозначений намерений говорящих в тексте.

Подобные вопросы могут быть сформулированы следующим образом: «Содержится ли в диалоге просьба NN по отношению к MM, насколько она категорична и однозначна, точно сформулирована?».

Также в коррупционном диалоге возможна и апелляция к логике, аргументация, попытка объяснить свою позицию: «У меня, знаешь, здесь вот по этому делу сколько давления... Они, два рынка разные. И там и там люди независимые. Я думаю, выговор - это не человеческая жизнь, пережить можно. Но когда нас драть за это будут».

Или же взяткодатель пытается убедить в необходимости совершения незаконного поступка, так как он будет более этичен:

М1. — Ну она же как-то взялась тут, в деле-то. Ее же не просто так привели. Потом, на какой телефон позвонил этот, судейские показания дает?

Ж1. — А, так все я поняла, откуда она взялась. Ваши давали объявление о том, что...

М1. — Наши не давали.

Ж1. — Не давали?

М1. — Не было никаких объявлений. Я тебе говорю, этот человек специально взялся в этом деле.

В приведённом случае сотрудник полиции пытается доказать, что затягивание дела, которого он добивается, будет именно справедливым и необходимым с точки зрения нравственности шагом, единственно правильным вариантом.

Также взяточдатель преследует цель расположить к себе собеседника, проявить заботу, показать понимание сложной ситуации, в которую поставлен объект уговоров или же может быть поставлен:

М1. — Опять куришь?

Ж1. — Курю и пью.

М1. — А зачем пьешь-то? Что тебе это дает-то?

Ж1. — Так я же не до конца напиваюсь. Тут срок.

М1. — С этого все и идет.

Ж1. — Кстати, женский алкоголизм не излечим.

М1. — А я тебе скажу да. Я тебе могу миллион примеров привести. Последний кто мне так говорил Машка. Дознаватель из Ленинского. Похоронена. Потом спилась ее подруга. Бывший тут начальник...

Вообще переход к обсуждению личных тем сближает собеседников, располагает друг к другу, этим также пользуются взяточдатели:

М1. — Ты на машине сейчас гоняешь, на той же девятке?

Ж1. — Да.

М1. — Нормально все?

Ж1. — Да. Ну тогда я пошла.

М1. — Ребенок как?

Ж1. — Нормально, растет.

М1. — Сколько ему?

Ж1. — 1,5.

М1. — Как у меня дочь почти. У меня год и 8. Кто сейчас с ней сидит?

Ж1. — Бабушки.

В данном случае взяточдатель сознательно затрагивает тему личной жизни и для того, чтобы открыть путь для «оказания помощи», в которой нуждается собеседник, и выразить своё искреннее сочувствие непростой жизни последней. Либо наоборот — взяточдатель пытается вызвать сочувствие к себе, апеллируя к жизненным обстоятельствам и трудностям: «зарплата 17 тысяч и жена в декрете. Ну, реально тяжеловато. Я не буду жаловаться».

Это также может быть апелляция к чувствам («Давайте по-человечески, ну по-человечески») или к общим знакомым («NN у меня друг с детства»).

Во-вторых, взяточдатель пытается выстроить своё предложение таким образом, чтобы его противоправные намерения не могли быть восприняты третьими лицами как таковые. Для этого человек, дающий взятку, старается как можно более скрытно передать информацию.

В таком случае взяточдателем используются различные средства маскировки содержания разговора. К наиболее частотным относятся умолчание, эвфемизация, использование эллиптических конструкций.

Одни из самых распространённых выражений, используемых для сокрытия смысла, — «решить вопрос», «премия», «подарок» и пр.

Встречаются и такие случаи, когда в тексте присутствуют прямые упоминания денежных средств, целей взяточдателя, а также осознания им совершения противоправного действия. Например, диалог задержанного за управлением автомобилем в нетрезвом виде начинается с вопроса: «А сколько решение этого вопроса?», а в ходе разговора, в том числе и благодаря провокативным стратегиям сотрудников ДПС, взяточдатель однозначно эксплицирует свои мотивы: «По деньгам, сколько решить этот вопрос?», «Вот есть у меня пятерка сейчас в машинке», «Вот сейчас пять тысяч рублей». В данном случае появляются номинации, которые напрямую указывают на предложение взятки: «по деньгам», «пятерка», «пять тысяч рублей».

В-третьих, взяточдатель пытается быть осторожным не только в выборе слов и выражений, но и в поведении в целом. Прежде всего он старается скрыться от посторонних. Это, в свою очередь, является показателем того, что взяточдатель осознаёт противоправность совершаемых им деяний.

Наиболее часто это выражается в том, что взяточдатель выражает желание быть незамеченным. Чаше этот приём используется взяточполучателем, например, «Вот. Давай двадцать пять. ... А когда? Ты потом будешь отдавать?! Когда поедем что ли?! В камеру, может, покажешь!» (диалог при получении взятки инструктором автовождения). Но также встречаются и случаи, когда сам взяточдатель эксплицирует осторожность при коррупционном диалоге, подобные случаи описаны в статье С. В. Дорониной. В реплике «Ну... Меньше текста, Оль. Меньше текста. Тут все слушается»⁵⁵ явно чувствуется беспокойность взяточдателя тем, что его собеседник может раскрыть лишнюю информацию, которая в дальнейшем может быть использована против него. В следующей реплике «Ну, ты че по телефону! Мы ж с тобой договорились. Как че позвонишь»⁵⁶ взяточдатель указывает на неуместность обсуждения вопроса по телефону, поскольку разговор

⁵⁵ Доронина С. В. Указ. соч. С. 247.

⁵⁶ Там же.

может быть подслушан, как было сказано в прошлом высказывании. Таким образом, взятокодатель вербально выражает своё желание сохранить скрытность, не быть замеченным в обсуждении тем, связанных с противоправными действиями.

В связи со всеми выделенными особенностями стратегии взятокодателя следует выполнить следующие операции, помогающие её описать:

- Доказать, что взятокодатель использует одну из тактик: уговоры, просьба, предложение. Для этого нужно выявить неоднократные повторения в тексте слов и выражений. Также возможно произвести переформулирование какого-либо фрагмента стенограммы по речевой формуле, что лишний раз укажет на используемую тактику. Проанализировать тематику разговора, выявить роли, которые играет взятокодатель.
- Выявить наличие в тексте приёмов маскировки содержания разговора. Чаще всего взятокодатель обращается к эвфемизации: использует слова и выражения, семантически близкие к понятию «взятка» (премия, благодарность, решить вопрос и др.).
- При помощи выделенных маркеров реализации коррупционного значения установить, присутствует ли оно в словах и выражениях, которые вызывают подозрение на его реализацию. Для этого необходимо проанализировать грамматические показатели, коммуникативную ситуацию (обращается ли взятокодатель к должностному лицу или просит посредника обратиться к нему), ближайший и общий контекст (связано ли рассматриваемое слово или выражение с семантическими полями «взятка», «денежные средства»).
- Выявить указания на то, что взятокодатель пытается скрыть свои действия, то есть осознаёт их противоправность. К наиболее частым указателям на подобное поведение относятся: упоминание об отсутствии третьих лиц, нежелание быть услышанным или замеченным в передаче денежных средств или оказании услуг.

Стратегии взятокопучателя, взяточника, могут быть описаны с точки зрения тех же ключевых моментов, что перечислены выше.

Прежде всего необходимо определить, какую цель ставит перед собой взятокопучатель и с помощью каких речевых тактик он её достигает. Наиболее часто взяточником реализуется такая тактика, как требование. Она направлена на то, чтобы убедить собеседника оплатить действия, которые взяточник совершит или не совершит в будущем.

Тактика требования предполагает использование побудительных конструкций. Часто в диалогах встречается императив «давай», который позволяет понять, что взяточник требует ему что-либо передать:

М1. — Вот. Давай двадцать пять.

Ж1. — Сейчас?

В данном диалоге использована также эвфемистическая замена «двадцать пять», обозначающая сумму денег, которую взяточник требует ему передать. Ещё один пример с императивом «давай»:

М2. — Ну все, давай.

М1. — Ну что, так что ли?

М2. — Пряма так.

Следующий пример не является непосредственно требованием взятки, но описывает ситуацию, которая имела место в прошлом:

М2. — нрзб. что не ясно? Почему я сказал «трешку», он сам мне сказал: «Пусть принесет три, значит, придём». Вы говорите: «Не!»

М1. — Я тебе говорил не эту сумму.

М2. — Да. А потом я говорю, тогда принеси...

М1. — Ты говорил...

В рассматриваемом фрагменте упоминается, что сам акт требования взятки имел место в прошлом: взяточник просил ранее принести ему деньги: «сказал: пусть принесет», «а потом я говорю, тогда принеси». Несмотря на то, что данное действие имело место в прошлом, а не во время самого диалога, сам коммуникативный акт требования можно легко реконструировать по речевой формуле:

- *хочу, чтобы ты совершил нечто для меня (принёс названную сумму)*
- *говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал*
- *знаю, что ты это сделаешь, потому что ты знаешь, что должен это сделать и что это не зависит от твоего желания (взятокодатель знает, что должен это сделать, в противном случае он будет уволен с работы).*

Как можно заметить, в данном случае снова используется императив «принеси». Это одна из наиболее часто встречающихся грамматических форм при требовании взятки. Также могут использоваться и другие варианты оформления требования. Например, могут встречаться безглагольные конструкции типа «Деньги!», означающие, что от человека требуется их принести или передать.

Далее в том же диалоге речевая тактика требования появляется в прямом виде:

М2. — Вчера, вспомните, я еще раз говорю, вчера надо было отдать. Я еще раз вам говорю, пусть нрзб... <...> Ну так, смотрите — вы единицу находите, это аванс будет.

М1. — До завтрашнего?

М2. — Конечно. нрзб. Ты мне обещал.

M1. — До завтрашнего дня найти такую сумму?

M2. — Да.

M1. — Вы прикалываетесь?

M2. — Да не, я не прикалываюсь, я тебе серьезно говорю.

В данном случае требование выражается не с помощью императива, а через употребление конструкции с глаголом в форме 2 лица единственного или множественного числа настоящего или будущего времени, который употреблён в значении повелительного наклонения: *Ну так, смотрите — вы единицу находите, это аванс будет*. Требование выражено имплицитно, через указание на действия, которые совершатся в будущем.

Также следует отметить, что при требовании что-либо выполнить или принести взяткополучатель довольно настойчив, не готов к компромиссам. Это же наблюдается в приведённом выше фрагменте. Взяточник повторяет несколько раз своё требование: «вы сейчас принесли единицу?», «вы единицу находите», а также указывает на то, что договорённость существовала и ранее: «вчера надо было отдать», «ты мне обещал». Высказывание «ты мне обещал» также является провокацией собеседника, поскольку использован типичный провокационный приём «принуждение через обвинение, или игра без правил», который состоит в том, что провокационное высказывание требует оправданий либо объяснений, так или иначе связанных с проблемами, представляющими интерес. Взяточник упрекает собеседника, что тот не принёс аванс, как он «обещал». Также взяткодатель должен принести сумму «до завтрашнего дня», такие короткие сроки доказывают всю серьёзность намерений взяточника.

В практике производства лингвистических экспертиз часто встречаются случаи, когда в роли взяткополучателя выступают сотрудники ДПС, которые являются участниками оперативного эксперимента. Они используют различные приёмы речевой провокации, которые вынуждают собеседника, то есть взяткодателя, выразить свои намерения в эксплицитной форме⁵⁷. Сотрудники ДПС, таким образом, требуют от взяткодателя не самого совершения действия по передаче денежных средств, а его озвучивания для фиксации в аудиозаписи.

M1. — Ну, чего, решаем? (обращается к M3).

M2. — Как вы хотите решить? Я понять не могу, что, то решаете, то шанс.

M3. — Решить, решить чего решить?

M2. — Что вы решаете, задачу вы решаете, пример?

M1. — (усмехнулся, опустив голову).

M2. — Вы скажите по-человечески, нормально.

⁵⁷ См. Дорони́на С. В. Указ. соч.

В приведённом фрагменте сотрудники ДПС избирают тактику ограничения коммуникативной инициативы со стороны лица, проводящего следственный эксперимент, то есть они ограничивают свою коммуникативную инициативу. Данная тактика заключается в демонстрировании недогадливости, непонимания высказываний собеседника в косвенной форме. Это отчётливо видно в приведённом примере: сотрудники ДПС не понимают, что хочет решить задержанный (*Как вы хотите решить? Я понять не могу, что, то решаете, то шанс; Что вы решаете, задачу вы решаете, пример?*), просят его выразить своё предложение в более конкретной форме (*вы скажите по-человечески, нормально*). Также они намеренно трактуют выражение «решить» как употреблённое в прямом значении, на что указывает наличие зависимого слова при глаголе: «*Что вы решаете, задачу вы решаете, пример?*». Таким образом, сотрудники ДПС пытаются передать коммуникативную инициативу задержанному, побуждают его в открытой, эксплицитной форме выразить своё намерение дать взятку. Кроме того, сотрудники ДПС повторяют свои вопросы неоднократно, настойчиво, что также является провокацией собеседника.

Ещё один часто используемый сотрудниками ДПС приём провокации — предупреждение о том, что предлагаемое задержанным деяние — преступление, и ответственность за его последствия ляжет на обе стороны. Такой прием встречается в следующем примере:

МЗ. — Он подставить собирается.

М2. — Вы знаете, что это уголовнонаказуемость, за...?

М1. — Да знаю.

М2. — То есть знаете, что и вас и нас можно привлечь к уголовной ответственности за данное деяние, знаете?

М1. — Ну.

М2. — Я просто вас спрашиваю?

М1. — Ну, теоретически можно.

М2. — Теоретически?

М1. — Теоретически я знаю.

М2. — То есть это дача взятки. Вы знаете об этом, да?

МЗ. — Да уж сказано об этом было.

М2. — То есть за это предусмотрена ответственность уголовная, за данное деяние, за дачу, за дачу... вот сколько вы даёте?

Сотрудники ДПС напрямую озвучивают последствия, которые могут наступить взяточника, при этом он соглашается в том числе с тем, что даёт взятку, косвенно он сознаётся в этом. Обозначая в эксплицитной форме действие, которое пытается совершить взяточник, сотрудники ДПС вынуждают его эксплицитно выразить своё понимание того, что он совершает преступление.

После того, как были выявлены тактики, которые реализует взяточполучатель, а также приёмы речевой провокации, если они есть, следует рассмотреть лексическое оформление диалога. Важно понять, с помощью каких лексических средств взяточник вынуждает собеседника передать ему что-либо.

Как и взяткодатель, взяточник пытается выразить своё требование завуалированно, чтобы посторонние лица не смогли понять, о чём идёт речь в диалоге. Поэтому взяточники часто используют эвфемистические замены, обозначающие размер суммы, которую они хотят получить.

М2. — нрзб. что не ясно? Почему я сказал «трешку», он сам мне сказал: «Пусть принесет три, значит, придём». Вы говорите: «Не!»

М1. — Я тебе говорил не эту сумму.

М2. — Да. А потом я говорю, тогда принеси...

М1. — Ты говорил...

В данном фрагменте наблюдается эвфемистическая замена, связанная с семантическим полем «денежные средства», обозначающая сумму: «трешка», «три». На то, что эти слова обозначают именно денежные средства, указывает употребление слова «сумма», которое в данном контексте реализует следующее значение: «Сумма. З. Определённое, то или иное количество денег. Денежная с. Платёжная с.»⁵⁸.

Слово «сумма» непосредственно связано со словами «трешка», «три» при помощи указательного местоимения «эту». Взяткодатель утверждает, что называл взяточнику не «эту сумму», то есть не «трешку» и не «три», а какую-то другую.

В случаях, когда собеседник использует провокативные приёмы, он, наоборот, не стремится скрыть истинное содержание разговора. В таком случае взяточник, как правило, использует прямые номинации, как, например, в одном из фрагментов диалога с сотрудниками ДПС, о котором говорилось выше.

М1. — Пять, у меня нету больше.

М3. — Чего пять?

М1. — Пять рублей.

М3. — Пять рублей, это чего такое пять рублей?

М1. — Нрзб.

М3. — Чего не понял?

М1. — Ну...

М3. — Чего пять рублей-то, я не понимаю?

М1. — Всё понимаешь, нрзб., когда ты деньги берёшь...

М3. — Какие пять рублей?

М1. — Пять тысяч.

⁵⁸ Большой толковый словарь русского языка.

Сотрудник ДПС изображает непонимание слов взяткодателя, вынуждая того отказаться от своих намерений скрыть предмет речи и напрямую озвучить сумму взятки.

Последний момент, о котором стоит сказать применительно к стратегии взяткополучателя, заключается в описании особенностей коммуникативного поведения. Как и взяткодатель, взяточник, если он не участвует в оперативном эксперименте, стремится так организовать коммуникацию, чтобы она стала недоступна третьим лицам. Такая осторожность часто находит отражение в репликах взяточника. Например, в ситуации передачи денежных средств от ученика учителю вождения в автошколе происходит такой диалог:

М1. — Вот. Давай двадцать пять.

Ж1. — Сейчас?

М1. — А когда? Ты потом будешь отдавать?! Когда поедем что ли?! В камеру, может, покажешь! <...>

Ж1. — На!

Взяточник на вопрос о том, когда передать ему деньги, сейчас или позже, недоумённо отвечает: *«Ты потом будешь отдавать?! Когда поедем что ли?! В камеру, может, покажешь!»*. Ироничное восклицание *«В камеру, может, покажешь!»* означает, что взяточник не желает, чтобы кто-то засвидетельствовал передачу денег, поэтому их нужно передать «сейчас», с глазу на глаз, без свидетелей и тем более без камеры. То есть взяточник осознаёт всю незаконность собственных действий.

Таким образом, для описания стратегии взяткополучателя необходимо обратить внимание на следующие ключевые моменты:

- Какая речевая тактика используется. Она может быть описана с помощью переформулировки фрагмента диалога в соответствии со схемами, предложенными А. Вежбицкой.
- Используются ли в диалоге приёмы речевой провокации. Если такие приёмы обнаружены, необходимо описать, с помощью каких лексических средств они выражены.
- ИмPLICITно или EXPLICITно представлен предмет речи. Как было сказано выше, при провокации взяточник обычно не стремится скрыть содержание разговора. В остальных случаях используются всё те же приёмы эвфемизации, эллипсиса и другие.
- Есть ли в диалоге указание на то, что взяткодатель пытается скрыть свои действия. Это может быть использовано в дальнейшем следствии или судом для доказательства наличия или отсутствия умысла.

При производстве судебной лингвистической экспертизы важно рассмотреть все составляющие диалога о взятке. Анализ стратегий участников диалога является лишь одним из этапов большого алгоритма, который поможет ориентироваться эксперту при работе с коррупционным текстом.

ГЛАВА 6

Вопросы, поставленные перед экспертом

Прежде чем говорить об алгоритме проведения лингвистической экспертизы по антикоррупционным делам, следует определить ещё один важный момент.

Решение задач любого вида лингвистической экспертизы требует следования определённой методике. Чтобы исследование текстов по антикоррупционным делам давало объективный и полный результат, необходимо понять, какие именно действия должен совершать эксперт при анализе текста.

Прежде всего необходимо установить, какую информацию может извлечь эксперт из объектов исследования. Данный вопрос напрямую связан с компетенцией эксперта по антикоррупционным делам. В ходе лингвистической экспертизы по антикоррупционным делам возможно установить следующую информацию, которая будет входить в компетенцию эксперта-лингвиста:

- «объект передачи;
- субъекты действия по передаче объекта: передающий, получатель;
- способ и условия осуществления действия по передаче объекта;
- цель действия по передаче объекта;
- наличие / отсутствие побуждения к передаче и характер волеизъявления (требование, просьба, угроза, предостережение, предложение)»⁵⁹.

Для того чтобы эксперт смог работать со спорными текстами и написать экспертное заключение, необходимо поставить корректные вопросы при назначении экспертизы по антикоррупционным делам. Н. В. Вязигина предлагает следующую формулировку типовых вопросов лингвистической экспертизы по делам о преступлениях коррупционной направленности:

1. Идёт ли речь в представленных на исследование разговорах о передаче денежных средств от одного собеседника к другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств?

⁵⁹ Вязигина Н. В., Матвеева О. Н. Судебная экспертиза по делам антикоррупционной направленности : презентация вебинара 19.02.2017. Режим доступа: <http://lingva-expert.ru/news/vebinar-sudebnaya-ekspertiza-po-delam-antikorrupsionnoy-napravlennosti/> (дата создания: 19.02.2017).

2. Имеются ли в разговоре признаки побуждения к передаче денежных средств за совершение / несовершение каких-либо действий? Если да, то о каких действиях идёт речь? Кто является субъектом побуждения? Каков характер волеизъявления (требование, просьба, угроза, предостережение, предложение)?
3. Имеются ли в тексте / разговоре признаки маскировки его содержательных элементов? Каково значение замаскированных элементов текста или их характеристики?
4. Выражено ли в разговоре значение контроля со стороны ... (Ф.И.О.) за ситуацией передачи денежных средств или зависимости от волеизъявления ... (Ф.И.О.) реализации ситуации передачи денежных средств?
5. Выражено ли в представленных на экспертизу разговорах значение контроля передачи денежных средств со стороны третьего лица? Если да, то какие признаки этого лица могут быть выделены из разговора?
6. Имеется ли в разговоре речевой акт согласия на получение денежных средств?
7. Имеются ли в разговоре вербальные показатели передачи денежных средств во время разговора?
8. Каков способ взаимодействия между получателем денежных средств и получающим денежные средства? Имеется ли в разговоре информация о способе передачи денежных средств?
9. Кто из участников разговора является инициатором передачи денежных средств (темы передачи денежных средств, встречи с целью обсуждения вопросов передачи денежных средств)?
10. Содержатся ли в разговоре требования, угрозы и иные вербальные средства принуждения или оказания давления (решается совместно с экспертом-психологом)?
11. Имеются ли в разговорах признаки побуждения к каким-либо действиям (указать, каким именно)? Кто является субъектом побуждения? Каков характер волеизъявления (требование, просьба, угроза, предостережение, предложение)?

Важной составляющей при анализе текста по антикоррупционным делам, как было показано в главе 3, является тематический анализ. Он помогает наиболее полно исследовать все контексты употребления слов с потенциальным коррупционным значением, а также облегчает поиск необходимой информации в спорном тексте. Кроме того, тематический анализ может послужить основанием для проявления экспертной инициативы: позволяет обратить внимание заказчика (чаще всего в подобных делах

это следственные органы) на важные факты, которые могли быть не замечены при первичном следствии, а также вследствие недостаточных познаний в юриспруденции могут быть неадекватно интерпретированы самим экспертом.

Таким образом, вопрос «Каково содержание диалога А и Б?» является весьма актуальным.

Исходя из всего сказанного выше, важнейшими задачами, которые необходимо решить при анализе спорного текста по антикоррупционным делам, являются:

- выявление побуждения к каким-либо действиям, выраженного при помощи различных речевых тактик (требование, просьба, уговоры, угроза, предостережение, предложение);
- обнаружение речевых приёмов, используемых для достижения коммуникативной цели взяточдателя;
- выявление слов или высказываний с потенциальным коррупционным значением;
- выявление скрытого смысла данных слов и высказываний.

ГЛАВА 7

Подготовка заключения

Опираясь на общую методику подготовки заключения специалиста (эксперта), предложенную в пособии И. А. Стернина «Основы лингвокриминалистики»⁶⁰, предложим следующий алгоритм анализа текста.

1. Прочитать спорный текст ознакомительным чтением.
2. Ознакомиться с постановлением (определением) о назначении экспертизы (для подготовки лингвистической экспертизы), с обращением о проведении лингвистического исследования (для подготовки заключения специалиста).
3. Выделить поставленные перед экспертом (специалистом) вопросы.
4. Прочитать спорный текст повторно медленно и внимательно.
5. Определить понятия, необходимые для подготовки заключения, посмотреть их в специальной литературе (для заключения специалиста), оформить научное описание понятий в виде раздела «Исследование» (для заключения эксперта).
6. Предположительно определить, руководствуясь собственными знаниями и предварительным ознакомлением с текстом, как вы ответите на поставленные вопросы.
7. Тематический анализ спорного текста. Тематический анализ, вкуче с анализом скрытых смыслов, помогает выявить задачи коррупционера, облегчает поиск необходимой информации в спорном тексте, помогает открыть дополнительные сведения, которые могут помочь следствию собрать необходимый материал для выстраивания дела.
8. Поиск в тексте «слов-сигналов». Обнаружение «слов-сигналов» — важный этап анализа текста по антикоррупционным делам. Можно предположить, что существует лексика, которая в русском языке имеет потенциально коррупционное значение, эти слова имеют более высокую частотность употребления в текстах с коррупционной тематикой, а следовательно, могут служить одним из маркеров появления её в тексте. Выявление таких слов-сигналов может по-

⁶⁰ Стернин И. А. Основы лингвокриминалистики : учебное пособие. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. С. 80.

мочь при следственных действиях, а также при экспертизе текста по таким делам.

9. Изучение стратегии взяткодателя. Коррупционный текст может быть описан с точки зрения речевых стратегий, важную роль в этом случае будет играть инициатор коррупционного общения. Исследовав текст с этой точки зрения, можно определить, насколько интенсивным было включение в диалог коррупционной темы, а также на какие именно «услуги» был сделан акцент, что, нужно признать, не всегда является очевидным.
10. Анализ стратегии взяткополучателя (получающего). Стратегии взяткополучателя также строятся на сокрытии предмета разговора: «Ну так, смотрите — вы единицу находите, это аванс будет», «Мы сейчас сделаем первый шаг» и под. Сокрытие передачи денежных средств: «Вот. Давай двадцать пять. ... А когда? Ты потом будешь отдавать?! Когда поедет что ли?! В камеру, может, покажешь!». Особым случаем в оперативной практике является провоцирование экспликации намерений взяткодателя. Подобные речевые акты уже неоднократно были описаны в научной литературе. В таких случаях используются речевые тактики «игра по правилам», «прямое и косвенное обвинение», «наведение темы» и пр. Важно отметить, что при достижении подобных целей сотрудничающие со следствием не являлись инициаторами коррупционного диалога. Эти факторы также должны учитываться экспертом и описываться при подготовке экспертизы.
11. Установление значения отдельных фраз. Когда установлены основные элементы коррупционного общения, следует описать значение отдельных фраз, иллюстрирующих, прямо или косвенно, ситуацию передачи денежных средств. Обычно на них указывается в постановлении об экспертизе, и эти фрагменты выносятся в отдельные вопросы. Например, «Каково значение следующих фраз: "...не знаю, походу то что я договорился, прикинь», «взял на себя, что же делать”». В этой части анализа эксперт может конкретизировать значение отдельных фраз, указывающих на причастность подозреваемых к коррупции: цели, модальность или иные характеристики речевых актов взяткополучателя.
12. При подготовке текста заключения при ответе на вопрос сначала приводятся лингвистические факты и лингвистические маркеры, а уже затем формулируется ответ, вытекающий из приведенных лингвистических фактов и маркеров, на поставленный вопрос.

13. В заключении эксперта формулируется отдельный раздел «Заключение», в котором перечисляются вопросы, и на каждый дается краткий ответ.
14. Подготовленное заключение оформляется по требованиям к заключению специалиста или заключению эксперта.

Предложенный алгоритм анализа поможет выстроить заключение, обратив внимание на важнейшие элементы коррупционных диалогов. Но это не означает, что он имеет директивный характер, т. к. напрямую зависит от вопросов, поставленных перед экспертом, а также анализируемой ситуации общения.

ГЛАВА 8

Анализ художественного текста в практике эксперта

Художественная литература всегда была предметом изучения не только критики и литературоведения, но и инстанций, берущих на себя функцию регулирования жизни в обществе. Традиционно механизмом оценивания произведения и автора занимались цензурные комитеты и им подобные. Но цензура как механизм регулирования сферы художественного, эстетического была официально отменена, а необходимость оценивать эстетический объект в правовых терминах сохранилась. Часто при этом художественное произведение оценивается вне эстетической системы, с учётом лишь прагматической функции, но не следует забывать, что художественность — это прежде всего средство создания образа, а не социальной коммуникации, как писал И. С. Тургенев в «Предисловии к романам» 1879 года: «В деле искусства вопрос: как? — важнее вопроса: что?»⁶¹.

Художественное высказывание всегда имеет принципиально не прямое значение, его прагматика скрыта за основными свойствами – образностью и сложностью системы субъектов высказывания. Без «художественности» мы сталкиваемся лишь с прагматикой языка, в то время как для художника важным оказывается именно «сокрытие» смысла, своеобразная «игра» в тайну, которая направлена на то, чтобы читатель сам смог восстановить исходный смысл, разгадать код, придуманный автором. Как сказал герой тургеневской «Нови»: «Законы искусства труднее уловить, чем законы науки... согласен; но они существуют — и кто их не видит, тот слепец; добровольный или недобровольный — всё равно!»⁶². Понимая, что основным свойством искусства является условность, подчеркнутое неравенство художественной реальности жизненной действительности, любой читатель (независимо от целей, которые он преследует) должен понимать невозможность прямого понимания смысла текста.

Безусловно, отдавая себе отчёт в том, что в настоящий момент нельзя ответить на все вопросы, связанные с нефилологическим (юридическим) исследованием художественного текста, мы постараемся поставить лишь

⁶¹ Тургенев И. С. Предисловие к романам // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1982. С. 396.

⁶² Там же. С. 145.

некоторые вопросы, которые должны с необходимостью учитываться в экспертизе художественного текста, а также в случае, когда этим возможно пренебречь.

На настоящий момент мы можем предложить лишь общие принципы работы с художественным текстом как предметом лингвистической (филологической) экспертизы, так как эта сфера до сих пор остаётся осмысленной в незначительной степени.

Важнейшим свойством произведения искусства является условность. Отметим, что это представление о нетождественности художественного мира реальности включается в основные навыки работы с художественной литературой, которыми должны обладать школьники-выпускники в соответствии с требованиями ЕГЭ. Художественное слово условно, оно всегда означает не то (в разной степени), что зафиксировано словарями литературного языка. В связи с этим речевой акт, стратегия автора значительно усложняется. Например, у одного из самых влиятельных (и после смерти) авторов русской рок-сцены Егора Летова есть стихотворение/песня «Суицид» с рефреном «Цель у нас едина — суицид». Конечно, Летов при жизни сделал всё, чтобы его песни не появлялись в эфире радио и телевидения, но тяга к запретам, которая явно прослеживается сегодня у российских властных структур, безусловно, сильнее непопулярности или субкультурности отдельных произведений.

При этом, конечно же, должно обсуждаться не наличие признаков призыва в отдельной фразе текста, а художественная концепция автора: является ли для автора указание на то, что «каждый должен стремиться к самоубийству», темой сообщения, которое он «отправляет» читателю/слушателю? И при этом нельзя не указать, что в мировосприятии Летова важную роль играет представление о смерти как непрерывном процессе экзистенции человека. Авторская идея восходит к концепции экзистенциалистов и Ю. Мамлеева, и смерть, скорее, является для него абсолютной категорией бытия, нежели конкретным актом. Авторская интенция всегда оказывается шире, чем конкретика вырванного из контекста выражения. Так же в 1990-е годы произошло и с песней «Общество Память» того же автора, когда после исполнения песни, наполненной иронией, от произведений Летова отказалось «Наше радио».

Важным условием понимания интенции автора является адекватное восприятие повествовательной системы текста. Проще всего это показать на материале ролевой лирики. В. С. Высоцкий, до сих пор имеющий очень высокий статус в русской культуре, который поддерживается в том числе и массовой культурой, начинал свой творческий путь со стилизаций блатных (лагерных) песен. Впрочем, в эпоху, когда блатная песня (в русской

терминологии шансон) становится едва ли не самым востребованным пластом постсоветской эстрады (например, на открытии обновлённой зоны Юнеско в Ярославле в 2017 году выступал Д. Майданов, обладатель премии «Шансон года»), говорить о проникновении лагерной поэтики в культуру уже банально, отметим, впрочем, что Высоцкий часто прибегает не просто к блатной «романтике», но и героизации асоциального поведения: насилие, уголовные преступления и пр.: «Я женщин не бил до семнадцати лет...», «Что же ты, зараза?» и пр.

При этом, видимо, возможно говорить о психологизации портрета определённой социальной группы у Высоцкого, как это происходило с портретом люмпена у М. М. Зощенко, крестьянина у Н. А. Некрасова, а также о нешаблонности художественных решений, сочетании «сказовости» с иронией, что, конечно же, недоступно современному эстраднему исполнителю, зачастую использующему стереотипные модели и бытовые подробности жизни «простого человека».

Но не только ролевая лирика нуждается в осознании границ между автором и его героем. Так, в списке запрещённых в России книг оказался, пожалуй, один из лучших романов 1990-х годов, написанных на английском языке, — «Trainspotting» (в русском переводе «На игле») Ирвина Уэлша. При этом известен такой парадокс: роман был запрещён, а фильм, снятый по произведению, оказался частью антинаркотической компании и был показан российским школьникам. Вторая часть фильма также вышла на широкие экраны страны, хотя такого ажиотажа уже не вызвала.

В центре повествования Уэлша — компания наркоманов, обычная шотландская молодёжь в эпоху повального пристрастия к героину. Но интересен роман не этим, а своей художественной частью. Уэлш создаёт очень сложную нарративную систему: в главах последовательно сменяются повествователи, автор почти отказывается от безличного повествования, его роман — это коллективный портрет шотландской молодёжи 1990-х годов. Сказать, что роман о наркотиках — означает крайне упростить его. «На игле» — поистине голос поколения, а точнее голоса, которые должны быть услышаны, т. к. они хором твердят о тех безрадостных и безысходных днях, которые стали их молодостью. Уэлш поднимает важный вопрос о потере поколения, которое никому не нужно и, как ответная реакция, которому больше никто не нужен. Безусловно, в романе невозможно (если говорить про адекватную стратегию чтения) обнаружить пропаганду приёма наркотических средств, несмотря на то, что сцены приёма наркотиков в нём присутствуют, но в контексте романа они выполняют иную функцию: автор погружает своего читателя в наркотический ад, чтобы показать, что жизнь возможна только за его границами, при этом наркомания и потребление

являются синонимами в контексте произведения, которое становится жестоким отповедью современным идеалам. Роман — грандиозное полотно (роман «На игле» входит в единый гипертекст, рассказывающий о жизни Эдинбурга, наравне с романами «Кошмары аиста Марабу», «Клей» и сборниками рассказов). Футбольные фанаты, скинхэды, наркоманы — это констатация эпохи, семиотика перехода к (тоталитарному) обществу потребления. И находить в нём исключительно тему наркотиков означает грубое непонимание художественного замысла автора, давно пережившего свои юношеские увлечения и ошибки и хорошо знающего им цену.

Точно так же обстоит дело и с прагматикой сюжета. Эта сторона художественного текста очень часто подвергается «пристальному» рассмотрению. В данном случае мы должны обратить внимание на те функции, которые имеют сюжетные элементы — события, происшествия, действия персонажей. Герой в ситуации нарушения законодательного запрета — очень часто встречающийся мотив. Примеры можно приводить бесконечно. И снова мы можем указывать лишь на художественную целесообразность, включённость в авторскую концепцию. Единичные действия персонажа не должны вводить в заблуждение: по убийству Раскольниковым старухи нельзя судить о романе Ф. М. Достоевского, безусловно вызывающий симпатию Остап Бендер не является героем-резонёром. Иногда художественная целесообразность требует включения эпизодов, которые могут интерпретироваться в качестве призывов к незаконным действиям или указаний-инструкций о реализации подобной деятельности. Так, подобный пример мы можем найти в пьесе о взяточниках «Дело» А. С. Сухова-Кобылина: эпизод, в котором крестьянин Иван Сидоров буквально учит Муромского давать взятку. К важности подобных эпизодов и их необходимости вернёмся несколько позже.

И ещё один важный аспект работы эксперта с художественным текстом — фрагментирование. Художественный текст нередко используется не целиком (цитирование, комментирование и пр.), безусловно, в таком случае об авторской интенции (автора-литератора) речи не идёт. Фрагменты целостного текста попадают в различные контексты, в том числе и в те, которые могут актуализировать значения, интерпретируемые как относящиеся к противоправной деятельности. Ответственность за нарушение единства, перекодировку исходного текста в таком случае полностью лежит на авторе вторичного текста. В подобных ситуациях художественный текст лишь актуализирует своё основное свойство — принципиальную многозначность. В то же время в ситуации искажения содержания исходного текста теряется собственно авторская, контекстуальная актуализация значений, т. е. мы не можем говорить об адекватности понимания авторской идеи. Кроме того, каждый текст рождён своей эпохой, не следует судить текст, соотносящийся с одной знаковой системой, исторической эпохой, в категориях другой.

В представленных размышлениях говорится лишь об одной стороне взаимодействия художественного текста и экспертизы текста — свойства эстетического объекта, которые необходимо учитывать при экспертном исследовании. Конечно же, за рамками пособия остались случаи наличия прямого призыва в тексте (правда, в таких ситуациях нужно, по-видимому, отвечать на вопрос о художественности произведения вообще), вопросы, касающиеся отношения автор-аудитория, текст-аудитория и многие другие, которые ждут своего ответа.

Лишь в процессе обучения экспертному анализу при определённых оговорках исследователь может пренебречь спецификой художественного текста. В этом случае также возможно несколько вариантов включения текста в лингвокриминалистический контекст.

Возможно привлечение литературного произведения в качестве экспериментального материала, а также при составлении методики решения экспертных задач.

Обращение к художественной литературе продиктовано несколькими причинами. Во-первых, экспертная практика показывает, что далеко не по всем категориям дел с одинаковой частотой назначается лингвистическая экспертиза. Это относится прежде всего к антикоррупционным делам, по которым экспертиза назначается не так часто. Поэтому нередко эксперт имеет в своём арсенале небольшое количество экспертиз, что затрудняет выработку методики решения задач по антикоррупционным делам. Художественная литература позволяет восполнить недостаток примеров использования определённых приёмов в диалогах взяточников и взяточдателей.

Во-вторых, экспертная деятельность напрямую связана с конфиденциальностью. Неразглашение сведений является одним из главных критериев законности экспертной деятельности. Работа с текстами художественной литературы лишена таких ограничений, исследователь может работать с полными текстами, без купюр, сохраняя целостность примеров.

Поскольку до сих пор не выработана методика решения задач в рамках экспертизы по антикоррупционным делам, художественный текст может стать одним из материалов наравне со стенограммами разговоров из подлинных судебных дел, на основе которого будет строиться данная методика. Художественный текст может послужить источником примеров, в которых участники диалога используют различные приёмы маскировки содержания разговора, может помочь выявить ранее не описанные приёмы, а также описать типичное речевое поведение взяточника или взяточдателя.

В качестве примера анализа художественных текстов, связанных с речевым сопровождением акта дачи/получения взятки, рассмотрим комедию Н. В. Гоголя «Ревизор» и рассказ М. М. Зощенко «Слабая тара».

Комедия Н. В. Гоголя показывает общество небольшого городка, в который должен приехать ревизор для проведения проверки. В связи с этим тема взяточничества является одной из основных в произведении, поскольку все чиновники пытаются подкупить приехавшего, как они думают, ревизора.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть⁶³.

В приведённом отрывке взяточники используют один из типичных приёмов — элиминация темы. Использование конструкций «кое-что предпринять», «известно что», «подсунуть» свидетельствует о негласной договорённости между взяточниками: не называя предмета речи напрямую, каждый из них тем не менее понимает, что другой имеет в виду. Кроме того, использованный глагол «подсунуть» имеет потенциально коррупционное значение, которое зафиксировано в толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова: «Подсунуть. З. Разг. Дать взятку. Для того чтобы очередь продвинулась, надо кому-нибудь подсунуть»⁶⁴.

Далее в тексте даже даётся описание типичной ситуации дачи взятки: «*Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует — чтобы и уши не слышали. Вот как в обществе благоустроенном делается!*». Отмечается наиболее существенный момент коммуникативной обстановки: общение «с глазу на глаз», которое исключает возможность подслушивания.

Что касается дальнейших диалогов, которые следуют описанному выше правилу «*между четырех глаз*», то они не являются показательными в плане коммуникативного поведения взяточника и взяткодателя, поскольку Хлестаков, к которому все по очереди заходят и пытаются дать денег, оборачивает всю ситуацию совершенно иным образом:

Аммос Федорович (высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону). Господи Боже! не знаю, где сажу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович (потерявшись и роняя на пол ассигнации). Ничего-с.

⁶³ Гоголь Н. В. Ревизор // Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. М.: Правда, 1984. С. 53–54.

⁶⁴ Большой толковый словарь русского языка.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович (дрожа всем телом). Никак нет-с. <...>

Хлестаков (подымая). Да, это деньги.<...> Знаете ли что? дайте их мне **взаймы**⁶⁵.

Как видно из приведённого отрывка, Аммос Фёдорович имеет целью дать Хлестакову денег с целью подкупа. Но Хлестаков, видя деньги, нисколько не смущается и просит дать ему их **взаймы**. Так происходит и со следующими приходящими людьми, Хлестаков сам проявляет коммуникативную инициативу и в открытую просит у всех денег. Таким образом, вся ситуация дачи взятки как бы нивелируется, намерение чиновников Хлестаковым не прочитывается, он искренне верит, что берёт деньги у них **взаймы**. Это подтверждается его письмом, которое в конце пьесы было зачитано перед всеми: «Все мне дают **взаймы** сколько угодно»⁶⁶. Но стратегия маскировки в поведении Аммоса Фёдоровича здесь отчётливо видна.

Обратимся ко второму художественному произведению — рассказу М. М. Зощенко, который посвящён теме взяточничества. С точки зрения диалогов между персонажами он является показательным, поскольку в них собеседники используют типичные речевые приёмы взяточников.

Я говорю:

— Что вы, говорю, обалдели, восемь рублей брать за три гвоздя. Он мне говорит интимным голосом:

— Это верно, я бы вам и за трояк сделал, но говорит, войдите в мое пиковое положение — мне же надо делиться вот с этим крокодилом.

Тут я начинаю понимать всю механику.

— Стало быть, — я говорю, — вы делитесь с весовщиком?

Тут он несколько смущается, что проговорился, несет разный вздор и небылицы, бормочет о мелком жалованьишке, о дороговизне, делает мне крупную скидку и приступает к работе⁶⁷.

Взяточник пытается манипулировать собеседником, используя одну из распространённых фраз, встречающихся в диалоге о взятке: «войдите в мое пиковое положение». В данном примере использовано несколько устаревшее выражение, но оно построено по общеупотребительной схеме «войдите в ... положение». Данное выражение имеет следующее толкование во фразеологическом словаре: «**Войти в положение, кого, чье**. Понимая состояние, положение и т. п. кого-либо, относиться к нему с участием; со-

⁶⁵ Гоголь Н. В. Указ. соч. С. 56.

⁶⁶ Там же. С. 88.

⁶⁷ Зощенко М. М. Слабая тара // Михаил Зощенко. Суета сует. М.: Русская книга, 1993. С. 225.

чувствовать ему. Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить об них гораздо снисходительнее»⁶⁸.

Таким образом, можно заметить, что в контексте вымогательства взятки данное выражение приобретает иное, потенциально коррупционное значение. Взяточник не пытается вызвать сочувствие, понимание, он указывает на то, что какой-либо компромисс не уместен, он не готов идти навстречу, договариваться. Кроме того, взяточник подтверждает это тем, что ему *«надо делиться вот с этим крокодилом»*, поэтому он и не может уступить.

Вторым приёмом, использованным в данном диалоге, является умолчание, проявляющееся, в том числе, в разговоре на посторонние темы. На вопрос о том, делится ли он деньгами с весовщиком, взяточник не даёт ответа, уходит от него и отвлекается на незначимые темы: *«несет разный вздор и небылицы, бормочет о мелком жалованьишке, о дороговизне»*.

Кроме того, в данном отрывке хорошо видно поведение взяточника. Взяточник осознаёт незаконность своего действия, так как *«говорит интимным голосом»*, то есть пытается сделать так, чтобы окружающие не услышали, о чём он говорит, а также сокращает дистанцию между собой и собеседником, сменяя официальное общение на неофициальное. «Смущение» указывает на осознание незаконности своих действий.

Художественные тексты, затрагивающие тему взяточничества, являются показательными в плане реализации взяточниками и взяточдателями различных речевых приёмов, используемых в диалоге о взятке. Примеры из художественной литературы могут пополнить различные семантические группы слов и выражений, часто использующихся в диалоге о взятке, а также могут использоваться при обучении написанию экспертных заключений.

⁶⁸ Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / Коллектив авторов: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. С. 88.

Библиография

Общие работы

1. Артёмова И. Ю. Намёк в русском устном межличностном дискурсе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Артёмова. — СПб., 2014. — 23 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. — Издание второе. Стереотипное. — М., 1969.
3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — Публикуется в авторской редакции 2009 г. — URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 20.04.2017).
4. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. — URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law.php (дата обращения: 28.04.2017).
5. Брагина А. Г. Применение результатов судебной лингвистической экспертизы при выявлении и расследовании преступлений [Текст]: учебно-методическое пособие / А. Г. Брагина, Н. Ю. Мамаев, П. А. Манянин. — Барнаул, 2010. — 68 с.
6. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика [Текст] : монография / К. И. Бринёв. — М.: Флинта : Наука, 2014. — 304 с.
7. Варлакова Т. В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы [Текст] / Т. В. Варлакова // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 4. — С. 33—36.
8. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения [Текст] / Т. Г. Винокур. — М., 1993.
9. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени [Текст] / О. С. Иссерс. — Изд. 2-е, испр. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 272 с.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. — Изд. 5-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.
11. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге [Текст] / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. — М., 2009. — № 2 (18). — С. 92—104.
12. Качалова Н. А. Прагмастилистические средства выражения намека в политическом дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Качалова. — Саратов, 2013. — 23 с.

13. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Матвеева. — М., 2010.
14. Месечко А. В. Конкуренция иллокутивных модальностей речевых актов как особое средство характеристики жанрового состава речевой провокации в публичной речи [Электронный ресурс] / А. В. Месечко, В. Н. Степанов. — URL: http://vestnik.yspu.org/releases/povue_issledovaniy/13_7 (дата обращения: 14.04. 2017).
15. Мещеряков В. Н. Предисловие к словарю-справочнику «Педагогическое речеведение» [Текст] / В. Н. Мещеряков. — М., 1998.
16. Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике [Текст] / Е. Б. Петрова // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. — № 3. — С. 124–133.
17. Плотникова О. А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Плотникова. — Омск, 2007. — 22 с.
18. Сёрль Д. Что такое речевой акт [Текст] / Д. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., 1986. — С. 151–169.
19. Современный русский язык [Текст]: учеб. для студ. вузов / Под ред. П. А. Леканта. — М.: Дрофа, 2000. — 560 с.
20. Степанов В. Н. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики [Текст] / В. Н. Степанов // Московский лингвистический журнал. — 2003. — Т. 6. № 2. — С. 157–180.
21. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте [Текст] / И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2011. — 66 с.
22. Судебная лингвистика [Текст] : монография / О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина, Ю. В. Холоденко, С. И. Кузеванова, М. Е. Маргольф, А. А. Селина; под ред. О. Н. Матвеевой. — Барнаул: Концепт, 2015. — 310 с.

Специальные работы по лингвокриминалистике

23. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика [Текст]: учебное пособие / А. Н. Баранов. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 597 с.
24. Бринёв К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза [Текст] / К. И. Бринев. — Барнаул: АлтГПА, 2009. — 252 с.
25. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения [Текст] : монография / Е. И. Галяшина; под ред. проф. М. В. Горбаневского. — М.: СТЭНСИ, 2003. — 236 с.

26. Грачев М. А. Лингвокриминалистика [Текст] / М. А. Грачёв. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2009. — 280 с.
27. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов [Текст] / под ред. М. В. Горбаневского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юридический мир, 2006. — 112 с.
28. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза : сборник документов [Текст] / Е. Р. Россинская, Е. Н. Галяшина. — М.: Проспект, 2011. — 160 с.
29. Стернин И. А. Основы лингвокриминалистики [Текст] : учебное пособие / И. А. Стернин. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. — 304 с.
30. Стернин И. А. Проблема скрытых смыслов в лингвистической экспертизе [Электронный ресурс] / И. А. Стернин. — URL: siberiaexpert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/stemmj_a_problema_skrytykh_smyslov_vjingvisticheskoj_ehkspertize/5-1-0-116 (дата обращения: 10.08.2015).
31. Стернин И. А. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы [Текст]: справочное пособие / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, М. В. Шаманова, Д. Л. Карпов. — Ярославль, 2013. — 80 с.

Работы, посвящённые экспертизе по антикоррупционным делам

32. Взятничество. Уголовная ответственность за получение взятки. Уголовное право [Электронный ресурс] : учебное пособие. — URL: Allpravo.Ru (дата обращения: 28.04.2017).
33. Вязигина Н. В. Лингвистическая экспертиза по делам, связанным с коррупцией: проблема провокации взятки [Текст] / Н. В. Вязигина // Коммуникативистика в современном мире : материалы III Международной научной конференции. — Барнаул, 2012. — С. 190–193.
34. Вязигина Н. В. Методологические основы выявления провокации в лингвистической экспертизе по делам о коррупции [Электронный ресурс] / Н. В. Вязигина. — URL: http://lingvaexpert.ru/expert_says/publications/vyazigina-n-vmetodologicheskie-osnovy-vyavleniya-provokatsii-lingvisticheskoj-ekspertize-po-dela/ (дата обращения: 10.04.2017).
35. Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам [Текст] / С. В. Доронина // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2015. — Вып. 3 (53). — С. 245–250.

36. Доронина С. В. Речевые тактики реализации криптолалической интенции в современной разговорной речи [Текст] / С. В. Доронина // Филолого-коммуникативный ежегодник. — Барнаул, 2015. — С. 35–41.
37. Карпов Д. Л. «Всё нормально решим»: слова с потенциальным коррупционным значением [Текст] / Д. Л. Карпов // Социальные и гуманитарные знания. — 2016. — № 1 (5). Т. 2. — С. 48–52.
38. Карпов Д. Л. Алгоритм исследования текста в экспертизах по антикоррупционным делам [Текст] / Д. Л. Карпов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2018. — № 1. — С. 26–28.
39. Карпов Д. Л. Анализ стратегии взяточдателя в подготовке экспертизы по антикоррупционным делам [Текст] / Д. Л. Карпов // Социальные и гуманитарные знания. — 2018. — № 1. — С. 38–43.
40. Карпов Д. Л. Понятие «взятка», «премия», «подарок», «гостинец», «благодарность», «подкуп» в лингвокриминалистической практике: сопоставительный анализ [Текст] / Д. Л. Карпов, Д. Е. Морозова // Сопоставительные исследования 2016. — Воронеж: Истоки, 2016. — С. 195–201.
41. Карпов Д. Л. Премия или взятка [Текст] / Д. Л. Карпов, И. А. Стернин // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2012. — № 3. — С. 115–117.
42. Карпов Д. Л. Типология взятки в драме А. В. Сухова-Кобылина «Дело» [Текст] / Д. Л. Карпов // Вестник ЯрГУ. — 2013. — № 3. — С. 125–128.
43. Карпов Д. Л. Художественная литература и экспертиза текста: предмет исследования и средство обучения (антикоррупционная экспертиза) [Текст] / Д. Л. Карпов, Д. Е. Пожилова // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации : сборник научных трудов / под общ. ред. Н. В. Аниськиной, Л. В. Уховой. — В 2 т. Т 1. — Ярославль: издательство ЯГПУ, 2017. — С. 117–124.
44. Карпов Д. Л. Экспертиза текста в делах о коррупции: проблема формирования фосов при работе с закрытой информацией [Текст] // Д. Л. Карпов // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования : материалы XIII научно-методической конференции с международным участием, 22–23 марта 2018 г. — Ярославль: ЯрГУ, 2018. — С. 47–49.
45. Литвяк Л. Г. Взятка в художественной литературе [Текст] / Л. Г. Литвяк // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2013. № 1. — С. 96–100.

46. Морозова (Пожилова) Д. Е. К определению понятия «взятка» [Текст] / Д. Е. Морозова (Пожилова) // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И. А. Стернина. — Вып. 7. — Воронеж: Истоки, 2016. — С. 36–39.
47. Пожилова Д. Е. Речевое сопровождение акта дачи или получения взятки [Текст] / Д. Е. Пожилова // Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова: материалы конференции. — Ярославль: издательство ЯРГУ им. П. Г. Демидова, 2017. — С. 384–389.
48. Пожилова Д. Е. Художественный текст в подготовке лингвистов-экспертов (экспертиза по антикоррупционным делам) [Текст] / Д. Е. Пожилова // Художественный текст глазами молодых : материалы международной научно-практической конференции. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. — Ярославль: ЯрГУ, 2018. — С. 190–194.
49. Сидорова Т. А. Диагностика взяточничества в экспертной деятельности лингвиста [Текст] / Т. А. Сидорова // Актуальные вопросы образования и науки. — 2017. — № 1. — С. 39–50.
50. Стернин И. А. Премия или взятка [Текст] / И. А. Стернин, Д. Л. Карпов // Вестник ЯрГУ. — 2013. — № 2. — С. 115–117.
51. Стернин И. А. Откат и взятка: семантический и юридический подходы [Текст] / И. А. Стернин, С. И. Шепелевич // Язык и национальное сознание. Вып. 18. — Воронеж, 2012. — С. 133–139.

Законодательство

52. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию» (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/ (дата обращения: 27.04.2018).
53. Обзор типовых моделей поведения должностных лиц, которые могут восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки [Электронный ресурс]. — URL: <http://minobrkrchr.ru/razdel/detail.php?ID=1731> (дата обращения: 20.04.2017).
54. Письмо от 10 июля 2013 г. № 18-2/10/2-3836 Об обзоре рекомендаций по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки [Электронный

- ресурс]. — URL: [http:// www.dio.gov35.ru/protivodeistvie/method/6.doc](http://www.dio.gov35.ru/protivodeistvie/method/6.doc) (дата обращения: 22.04.2018).
55. Пленум Верховного суда РФ. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе. Постановление от 10 февраля 2000 г. № 6 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26228 (дата обращения: 28.04.2017).
56. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 28.04.2017).
57. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12018624/](http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12018624/) (дата обращения: 22.04.2018).
58. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.04.2017) Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.04.2017).
59. Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.10.2017).
60. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы” [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71264578/#ixzz4exb8q2M9> (дата обращения: 20.04.2017).
61. Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 годы» (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/70635040/#ixzz4exbKuZgq> (дата обращения: 22.04.2018).
62. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/12174916/#ixzz4exbthxjL> (дата обращения: 22.04.2018).
63. Указ Президента РФ от 13 марта 2012 г. № 297 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы и внесении

- изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/70147070/#ixzz4exbeldDI> (дата обращения: 20.04.2017).
64. Указ Президента РФ от 15 июля 2015 г. № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/71131326/#ixzz4exс62soO> (дата обращения: 22.04.2018).
65. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 20.04.2017).

Интернет-ресурсы

66. Персональный сайт Иосифа Абрамовича Стернина [Электронный ресурс]. — URL: <http://sterninia.ru/> (дата обращения: 03.10.2017).
67. Лингвистический экспертно-консультационный центр «Лингва-Эксперт» [Электронный ресурс]. — URL: <http://lingva-expert.ru/about/> (дата обращения: 03.10.2017).
68. Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rusexpert.ru/> (дата обращения: 03.10.2017).
69. Научная электронная библиотека «eLibrary.ru» [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 03.10.2017).

Периодическая печать

70. Политическая лингвистика : научный журнал / Гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург.
71. Юрислингвистика : научный журнал / Ред. колл. С. В. Доронина и др. — Барнаул.

Приложение

Взятка и взяточничество в драме А. В. Сухова-Кобылина «Дело»: антикоррупционный анализ в художественном произведении

Художественная литература — это особый способ исследования действительности, поэтому она может дать материал для осмысления и классификации жизненных явлений. Вопросы, в том числе затронутые и в нашем пособии, уже давно беспокоят писателей, опыт которых может оказаться полезным и для прикладной науки. Осмысление феномена взяточничества давно уже стало важным предметом художественной литературы. Одним из важнейших писателей в ряду исследующих взяточничество является А. В. Сухово-Кобылин, которому суждено было на собственном опыте испытать все превратности русской судебной системы, не чуждой издоимства.

Взятке Сухово-Кобылин посвятил центральную часть своей известной драматической трилогии, которая издаётся под единым названием «Картины прошедшего». Особенность драмы «Дело» состоит в том, что автор ставит цели не сколько эстетические, сколько этические: «...если бы кто-либо из уважаемых мною личностей усомнился в действительности, а тем паче в возможности описываемых мною событий; то я объявляю, что я имею под рукою факты довольно ярких колеров, чтобы уверить всякое неверие, что я ничего невозможного не выдумал и несбыточного не соплел... Об литературной, так называемой, расценке этой Драмы я, разумеется, и не думаю; а если какой-нибудь Добросовестный из цеха Критиков и приступил бы к ней с своим казенным аршином и клейменными весами, то едва ли такой официал Ведомства Литературы и журнальных Дел может составить себе понятие о том равнодушии, с которым я посмотрю на его суд»⁶⁹.

В первом действии автор предлагает чёткую систему взяток, которая, по мнению центрального персонажа первой части трилогии Кречинского, исчерпывающе описывает взяточничество на Руси: «есть сельская, так сказать, пастушеская, аркадская взятка; берется она преимущественно произведениями природы и по столько-то с рыла; — это еще не взятка. Бывает *промышленная* взятка; берется она с барыша, подряда, наследства, словом, приобретения, основана она на аксиоме — возлюбил ближнего твоего, как и самого себя; приобрел — так поделись. — Ну и это еще не взятка. Но бывает *уголовная* или *капканная* взятка, — она берется до истощения, догола! ... совершается она под сению и тению дремучего леса законов, помощью и средством капканов, волчьих ям и удилиц правосудия, расставляемых по полю деятельности человеческой, и в эти-то ямы попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый».

В пьесе центральное место отведено третьему типу взяток, который является хлебом насущным для чиновничьего аппарата в России, по мнению героев: «*Иван Сидоров*. А сапожки по их званию лаковые — изволили видеть? ...А перчаточки по их званию беленькие — изволили видеть? ...А суконце тоненькое английское;

⁶⁹ Текст цитируется по изданию: Сухово-Кобылин А. В. Картины прошлого. Л.: Наука, 1989. 360 с.

а воротнички голландские, а извозчик первый сорт; а театры им по вкусу; а к актрисам расположение имеют — а вотчин у них нет... Чем же они живут? *Муромский*. ...Ну — Государево жалование тоже получают. *Иван Сидоров*. Государева, сударь, жалования на это не хватит; Государево жалование на это не дается. Честной человек им жену прокормит, ну, матери кусок хлеба даст, а утробу свою на эти деньги не нарадует. Нет! Тут надо другие. Так вот такому-то лицу, хоть будь оно три лица, и все-таки вы, сударь, оброчная статья».

Взятка в пьесе Сухово-Кобылина — оброк, получаемый чиновником со своей «вотчины»-канцелярии, в которой он призван служить. Взятка — основа дохода чиновника, которому отпущен прожиточный минимум в виде государева жалования.

Чиновник, не занимающийся ни сельским хозяйством, ни заводским производством, имеет лишь один способ нажиться: обирая вынужденных обратиться к нему за выполнением им своих должностных обязанностей.

Такое положение чиновника, живущего не по средствам, влечёт за собой создание отлаженного механизма взяточничества, который работает намного слаженнее государственного, подменяемого финансовыми махинациями: «*Муромский (с садом)*. Стало уж, по-твоему, все берут. *Иван Сидоров*. Кому как сила». Эта формула, появляющаяся в «Деле», известна читателю по комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», в которой за чиновниками водятся «грешки».

Интересно, что в драме «Дело» иерархия взяточников влияет не только на суммы, получаемые чиновниками, но и на способы их получения.

В драме можно определить три вида получения взятки: это взятка открытая, скрытая и мошенническая.

Последний вид относится к преступлению иного порядка: «*Атуева*. Тут только увидел, что правду ему Кречинский писал. Вот он, батюшка, мой, туда сюда. Взял стряпчего, дал денег - ну уладили... Только я вам скажу, как дал он денег, тут и пошло; кажется, и хуже стало; за одно дает, а другое нарождается. Тут уж и все пошло: даст денег, а они говорят, мы не получали; он к стряпчему, а стряпчий говорит, я отдал; вы им не верьте — они воры; а стряпчий-то себе половину ... Был теперь у нас еще по началу Дела стряпчий и умнейший человек — только бестия; он у Петра Константиныча три тысячи украл»; «*Тарелкин*. Он все мытарства прошел. Как порассказал мне его управляющий. — Боже мой, чего с ним не делали: давал он через третье лицо; третье лицо хватил его на полкуша. Стал сам давать — хуже. Кому даст — тот болен; на его место новый — мнение пишет».

Как видно из последнего примера, взяточничество непосредственно сращено с мошенничеством, возможность теневого получения денег благоволит обману и нарушению прочих законов, не только государственных, но и человеческих, недаром Сухово-Кобылин настаивает на классовом делении своих героев: были дворяне, стали чиновники. Понятия чести и честности, которые составляли духовный центр дворянской культуры, что показал А. С. Пушкин в «Капитанской дочке», чести для всех и чести всех, совершенно чужды чиновнику, который представляет не просто социальный класс, но человека иного рода, иного происхождения.

Мошеннической взяткой пользуются на всех уровнях чиновничьего аппарата, более того, она может быть использована любым «умнейшим человеком», пришедшим ниоткуда, в драме описывается несколько таких случаев, причиной которых служит незнание и неумение помещиков вести свои дела: «Сидим здесь, как в яме; никого не знаем: темнота и сумление. — Разобрать путём не можем, кого нам просить, к кому обратиться».

Правда, сюжет «Дела» доказывает, что даже при известности этих путей процесс не завершится в пользу истца. В сцене с Муромским Варравин прямо говорит просителю: «Варравин. Вы не беспокойтесь; вы всегда скажете то, что нам нужно».

Взятка скрытая характерна для практики невысоких чинов, которые не чувствуют за собой силы своего положения. Таким видом взятки пользуется в пьесе Тарелкин, которому искусно подыгрывает Иван Сидоров:

«Тарелкин (входит). Что вам надо — вы меня зовете?»

Иван Сидоров (сталкивается с ним и подает ему пакет, тихо). Вы, ваше высококоудие, записочку обронили.

Тарелкин (с удивлением). Нет. Какую записочку?»

Иван Сидоров (тихо). Так точно — обронили. Я вот сейчас поднял.

Тарелкин (щупая по карманам). Да нет, братец, я никакой записочки не знаю.

Муромский (в замешательстве). Творец Милосердый — да он мне историю сделает...

Иван Сидоров (смотрит твердо Тарелкину в глаза). Да вы о чем беспокоитесь, сударь? Вы обронили, мы подняли (с ударением), ну — и извольте получить!..

Тарелкин (спохватясь). А — да, да, да! (Берет пакет и быстро выходит на авансцену.) О, о, о, это птица широкого полета! . .».

Такая взятка даётся со знанием негласного закона: «Да как же, сударь? — ехать хотите — а колес не мажете!». Муромский, не привыкший к чиновному обхождению, смотрит на ситуацию с высоты своего представления о чести, но за честь ордына не даются: «Я б ему прямо Станислава повесил... Уж не знаю, на него ли Станислава или его на Станиславе повесить» (Тарелкин о Сидорове), крестьянин, на своей шкуре узнавший законы русского управленчества, без труда находит общий язык с коллежским советником.

Скрытая взятка, которой пользуются не наделённые большой силой чиновники, связана и с открытой взяткой их начальников. Именно подчинённый подготавливает сцену для выхода главного лица. Его цель — убедить в том, что развитие дела невозможно без подношения:

«Иван Сидоров. Ну вот и благодарение вашей милости. (Понизив голос). Дело-то, батюшко, наше у вас?»

Тарелкин (тоже понизив голос). У нас.

Иван Сидоров. Его-то превосходительство, Максим Кузьмич, ему голова, что ли?»

Тарелкин. Он голова, я руки, а туловище-то особо.

Иван Сидоров. Понимаю, сударь; Господь с ним, с туловищем.

Тарелкин (в сторону). Не глуп.

Иван Сидоров. И они все могут сделать?»

Тарелкин. Все».

На этой начальной стадии чиновник пользуется как иносказанием, так и прямым указанием на сложившийся механизм: «Он (важное лицо. — Д. К.) примет, да чиновнику и передаст: вам поклон (клянется), значит, кончено; к другому — а их до полусотни, у всякого записка — воз; да по почте получен — другой; да всяких дел — третий; да у него в час заседание; да комитетов два; да званный обед на набережной; да вечером опера, да после бал, да в голове-то уж вот что (делает жест), так он вашу-то просьбу с прочими отдаст секретарю: рассмотрите, мол, и доложите... Понимаете. ... А секретарь передаст сделать справки — мне». Тарелкин в драме постоянно намекает или говорит открыто о том, что единственная сила в чиновничьей машине — он и его начальник Варравин. Это и есть задача первой стадии процесса дачи взятки (а точнее её требования) — подсыла.

Подсыл необходим для того, чтобы наладить связь между нужным чиновником и его «жертвой». Стадия эта важна тем, что просителю указывают прямой путь решения своего вопроса, также пресекая все остальные возможные пути: «*Тарелкин*. Хорошо!!! Смотри, я просителя впушу, — ты его не тронь... пускай попросит... (даёт ему в руку) понимаешь. *Парамонов* (подщурив глаз). Попарить, что ль, надо, — ай не гнется? Давайте, — мы попарим...».

Вместе с тем между чиновниками оговариваются условия и сумма получения, процесс подготовки взятки описан Сухово-Кобылиным как кропотливая работа, требующая от чиновников «профессионализма», расчёт точен, и учтены все факторы: «Особенной массы нельзя! Взяли... Одна дочь! Вся жизнь. Тридцать!... Имение заложит. ... Заложено... Продано... ну, тыuchoнок двадцать пять у него надо быть. ... Ну, сделать нечего — двадцать пять».

Открытая взятка — это уговор, с обозначением точной суммы, с торгом (Фемида — «на весах, варварка, торгует»).

Варравин при встрече с Муромским сразу же объясняет ему всю непоправимость его дела: «Впрочем... пора кончить; я затем коснулся этих фактов, чтобы показать вам эту обоюдность и качательность вашего дела, по которой оно, если поведете туда, то и все оно пойдет туда. ... а если поведется сюда, то и все... пойдет сюда...», - Кречинский прав, это взятка-капкан, из неё невозможно выбраться, так как единственным судьёй в этом деле является сам чиновник, условия дела диктует также он.

Софистика — главный талант Варравина, его хлеб насущный, релятивность условий любого судейского дела для Варравина — это своеобразный закон чиновничьей риторики, которая направлена на размывание границ между понятиями, между виновным и невиновным. Если Муромский уверен в том, что честному человеку и оправдываться не в чем, он вне чиновничьего крючкотворства, вне этой риторики, то на иной закон указывает князь, начальник Варравина: «Невинному, сударь, и оправдываться; а виновный у меня не оправдается — за это я вам отвечаю». Обесценивание понятий происходит на этом уровне чиновничьей софистики, «смешение языков» — метафора, которой пользуется сам Варравин, человек слова здесь борется с человеком денег. Последний всегда побеждает.

И Варравин хорошо знает это: «Да, все в порядке... только... у меня от этих порядков дух захватило... Гм, гм... Следствие?!.. Пожалуй, помещик-то и при следствии такой же жар окажет! — Или, может быть, к тому времени и поохолодает; потому он преспокойно показать может, что я-де действительно деньги эти на столе по неосмотрительности оставил, а что действительный статский советник Варравин принял их за подкуп, в том не виновен. Да если и горшее предположить: оставят в подозрении — эка штука! Я много кого оставил — все здоровы, еще и кланяться приказывают; доживают свой век в своих вотчинах и хорошими христианами умирают, в должном раскаянии, посреди семейства... Что ж, уберусь в свою и я... княжеская была... Сахарный завод поставлю — помещик буду, звание почтенное... Конечно, не сановник — а все же почтенное».

Сам же торг ведётся на языке рынка, незнакомого ни с софистикой, ни с иносказанием: «Да, тридцать тысяч и ни копейки бы меньше приказный этот не взял. Да, слышите: не на ассигнации, а на серебро». При этом торговец не скрывает иллюзорности своего товара: «*Муромский*. Если б тут степь какая, громадина была в спорности или заводина какой — железоделательный — а то ведь что? — только одно мнение — так — фу — воздух. *Варравин*. Положим, что и воздух... только воздухом-то этим вас поистомило». Да и среди чиновников это мнение значительно

распространено, только не каждый может и хочет его выразить, одним из немногих является «подчинённость» Шило.

Тотальная незаконность приводит к полному нивелированию представлений о системности процесса взяточничества. Несмотря на чёткую классификацию самого явления, на указание его признаков, автор приводит читателя к мысли, что взятка — это флуктуации чиновничьего аппарата, она совершенно предсказуема, но случаи взяточничества хаотичны в своём проявлении. Так и финал драмы приводит к тому, что сами чиновники теряют логику взятки: Тарелкин и Живец до последнего момента не понимают игры, которую ведёт Варравин, что и обращается для первого катастрофой и составляет «пролог» к последней пьесе трилогии. Варравин использует приём, о котором уже известно читателю по рассказу Ивана Сидорова, этот персонаж играет роль оракула в пьесе: «...и выложил, и хорошо, сударь, выложил; так сказать, две трети, и то такой куш составило, что вы и не поверите. Он это и пометил — стало, ведь набитая рука. Как рявкнет он на меня: мужик, кричит, мужик!.. Что ты, мужик, делаешь? За кого меня принимаешь! — А? ... Я так на колени-то и сел. Да знаешь ли ты, козлиная борода, что я с тобою сделаю? — Да я те, говорит, туда спущу, где ворон и костей твоих не зазрит. ... Стою я на коленях-то да только и твержу — не погубите! — за жандармом, кричит, за жандармом. ... и за звонок уж берется. ... Ну, вижу я, делать нечего; встал — да уж все и выложил; и сертук-то расстегнул: на вот, мол, смотри. Он и потишел...». Так и Муромскому возвращён его конверт, правда, содержащий три тысячи, на которые он и рассчитывал в разговоре с Варравинным.

Сам процесс дачи взятки не существует обособленно, он сопровождается механизмами, которые навязывают «взяткодателью» правила чиновничьей игры, приводят его к неизбежности дачи взятки.

Цель любого взяточника — не отлаженная система взяточничества, но мгновенное обогащение: «Теперь, матушка, из них всякий не то что на прожиток взять или бы благодарность какую: Бог бы с ним, мы за это не стоим; а смотрит, чтобы сразу так цапнуть; чтобы, говорит, и себе было, и детки бы унаследовали. Ну, и стало оно грабительство крупное, маховое; сидят они каждый на своем месте, как звероловы какие, да в свои силки скотинку Божию и подкарауливают. Попадет кто — они вот эту сетью (*указывает на записку*) опутают — да уж и тешатся».

Взяточник — это не просто сбой системы управления, это системное явление, которое не может существовать без отлаженного механизма, в то же время взятка — это явление порядка стихийного, в каждой конкретной ситуации она принимает специфические формы, может зависеть от большого числа факторов.

Подводя итог, следует указать, что в пьесе «Дело» А. В. Сухова-Кобылина представлено достаточно детальное описание феномена взяточничества. Автор выделяет три типа взятки: сельская, промышленная и уголовная — в зависимости от средства, предмета договора и его условий. Также в драме описаны три способа взяточничества: мошеннический, скрытый и открытый. Эти способы определяются в зависимости от поведения вымогающего взятку.

В заключение отметим, что художественная литература даёт богатый материал для изучения прикладных аспектов филологической науки, и не воспользоваться этим богатством было бы значительным упущением со стороны филологов-прикладников.

Учебное пособие

Д. Л. Карпов

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА
ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ**

Корректор *А. А. Талицкая*
Обложка, компьютерная верстка *Т. Ю. Лахновой*

Подписано в печать 18.05.2018. Формат 60 x 90/16.
Гарнитура Franklin Gothic Book. Усл. п. л. 5,0.
Тираж 100 экз.

Издательство ООО «Академия 76»
150049, г. Ярославль, ул. Рыбинская, 59–22
nyankovskiyama@yandex.ru

Отпечатано в соответствии с качеством
исходного электронного оригинала
в типографии ООО «Канцлер»
150008, Ярославль, ул. Клубная, 4-49.
Тел. (4852) 58-76-33, 58-76-37